Карцов А.С.

Пандектное право сквозь призму идеологии русского консерватизма

[Stable URL: **http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3202**]

[Публикация работы:]
Карцов А.С. 2002: Пандектное право сквозь призму идеологии русского консерватизма // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2 (10), 174-202.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
,
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

© А. С. Карцов, 2002

А. С. КАРЦОВ*

ПАНДЕКТНОЕ ПРАВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИДЕОЛОГИИ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА[1]

Целью настоящей статьи является освещение некоторых аспектов восприятия римского права русским пореформенным консерватизмом – политико-идеологическим течением, оставившим заметный след в истории России второй половины XIX – начала XX в. Поскольку этой теме уже была посвящена одна публикация «Древнего права»[2], постольку данная статья сфокусирована на исследовании тех вопросов, которые в предшествующей публикации либо были рассмотрены бегло, либо вовсе не рассматривались.

Как справедливо отмечает Д. И. Луковская, «общественно-значимая политико-правовая проблема – центральное звено генезиса политических и правовых учений как специфических форм социального познания»[3]. Такой значимой темой применительно к идеологии русского консерватизма было отношение к Западу. Римское же право являлось и является одним из конститутивных признаков западной цивилизации, отчего консерваторы всегда с неослабевающим вниманием относились к вопросам его рецепции и преподавания. Соответственно, при изучении правового аспекта идеологии русского консерватизма принципиально важно исследование подходов консерваторов (их существа, вариантов и эволюции) к римско-правовой проблематике.

I

Как мы показали в предыдущей статье, отношение к римскому частному праву русских консерваторов по преимуществу было не слишком благосклонным. Но, невзирая на все сказанное, не должно сложиться впечатление, что отношение русского консерватизма к римскому частному праву исчерпывается отрицанием и осуждением. Кроме тех антиримских филиппик, что были рассмотрены ранее, не редкостью являлись и комплиментарные отзывы о римском частном праве, также принадлежащие консерваторам. Встает неизбежный вопрос: как согласовать одно с другим?

В первую очередь стоит уточнить, что немалая часть стрел, выпущенных консерваторами по тому, что ими самими именовалось как «римское право», на деле имело лишь косвенное отношение к собственно классическому римскому частному праву, будучи скорее принадлежностью права пандектного.

Примечательно, что те два выражения, которые столь часто провоцировали обрушивающийся на римское частное право огонь критики консерваторов, – summum jus summa

---

* Карцов Алексей Сергеевич – кандидат исторических наук, кандидат политических наук, кандидат философских наук, доцент факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

[1] Подробней о содержании понятий «русский консерватизм» и «русская консервативная традиция» применительно к проблематике истории отечественной правовой мысли см.: *Карцов А. С.* Правовая идеология русского консерватизма. М., 1999.

[2] См.: *Карцов А. С.* Римское право в зеркале идеологии русского консерватизма // Ius antiquum. Древнее право. 2001. № 1 (8). С. 100–122.

[3] *Луковская Д. И.* Типы и формы преемственности в развитии политико-правовой мысли // Закономерности возникновения и развития политико-юридических идей и институтов. М., 1986. С. 23.

injuria и fiat justitia pereat mundus – вовсе не были принципами классического римского частного права. Первое высказывание имеет своим происхождением трактат Цицерона «Об обязанностях» (I. 10. 33), причем из контекста следует, что действия правоприменителя как раз не должны приводить к такому результату. Что касается второго изречения, то его источником является трактат Иоганна Манлиуса «Общие места» (1563), где оно приводится как девиз императора Священной Римской империи Германской нации Фердинанда I (1556–1564)[4].

Хорошо видно различие в отношении консерваторов к классическому и пандектному праву на примерах И. В. Киреевского и Ап. Григорьева. Ранний И. В. Киреевский куда более сочувственно, чем зрелый, относился к античной цивилизации вообще и к римскому частному праву в особенности. В том числе он воздавал должное его вкладу в становление права западноевропейских народов. Но уже тогда Киреевский питал убеждение, что все эти заслуги – в глубоком прошлом. В Европе, писал он, «римские законы были основанием образованности и началом законного порядка, но польза их уже кончилась, и теперь они являются в противоречии с потребностями гражданского устройства. Между тем во многих государствах они еще имеют силу живую и не могут быть заменены иначе, как с совершенным преобразованием уложений»[5].

Еще большей непримиримостью дышат обращенные к пандектному праву высказывания Аполлона Григорьева. Основоположник почвенничества видел вред пандектного права и в неорганическом применении правовых начал, рожденных в русле одной цивилизации, к нуждам народа, представляющего собой совсем другую культуру, и в «окаменелости» пандектного права, препятствующей развитию материального права, а также возводящей стену на пути его упорядочения (кодификации). «Римское законодательство, – писал он, – бывшее всегда предметом какой-то неестественной любви немцев, принятое как завоевание грубыми племенами Германии, въелось, так сказать, своей старой мыслью в основы общества и, вовсе ему чуждое, отяготело на нем своими уже совершившимися данными. Странное, непостижимое почти явление, что до сих пор раздаются в Германии, а следовательно, у нас также пошлые возгласы о незыблемости римского права, о приложимости его к жизни, возгласы, возмущающие своим филистерским самодовольством, своим равнодушием к современности и к жизни, возгласы, которые у нас бессильны, но которые в Германии произвели учение под именем *исторической школы*, учение, освятившее этот страшный грех раздвоения мысли и дела, этот апогей отвратительной филистерии. Представителем этого учения был знаток римского права, Савиньи, но еще прежде сигнал был подан профессором Галлером. Страшно, за человека страшно, читать, с какой ужасающей глупостью он в своем сочинении "Restauration der Staatswissenschaft" верует в непреходимость римских форм»[6]. Вместе с тем осуждение пандектного права нисколько не затрагивало у Аполлона Григорьева достоинств классического римского частного права. Так, Кодекс Юстиниана признается им «колоссальнейшим явлением в области права» (при этом выдвигался тезис о конгениальности «Свода Законов Российской империи», составленного Сперанским, «Юстинианову своду»)[7].

Наконец, звучные похвалы, расточаемые римскому частному праву лицами, чья консервативность никак не может быть оспорена, могли иметь место еще по одной причине. Бывало, в условиях конкретной идеологической ситуации консерваторам начинали импонировать свойства римского частного права, содержащие, как им казалось, нечто враждебное тем понятиям и принципам, в которых консерватизм видел на данный момент наиболее актуальную опасность. Такова, думается, отгадка мотивов доброжелательности

[4] См.: *Бабкин А. М., Шендецов В. В.* Словарь иноязычных выражений и слов. СПб., 1994. Т. 2. С. 525.

[5] *Киреевский И. В.* Девятнадцатый век // Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 1. С. 84–85.

[6] *Григорьев А.* «Руководство к познанию законов», сочинение графа Сперанского // Финский вестник. СПб., 1845. Т. IX, отд. V. С. 7.

[7] Там же. С. 2.

отзыва о римском частном праве М. Л. Магницкого – одного из деятелей реакции, знаменовавшей собой окончание царствования Александра I. Магницкий (а его за необузданный обскурантизм и отрицание какой бы то ни было пользы западного просвещения корили даже люди несомненно консервативного склада ума) вдруг очень уважительно высказался относительно римского частного права. Выясняя причины неожиданно проснувшейся симпатии к одному из устоев цивилизации Запада, мы видим, что здесь в полной мере сработало правило «враг моего врага – мой друг».

Дело в том, что на протяжении нескольких десятилетий после Великой французской революции основной идеологической угрозой русским консерваторам представлялась концепция естественного права в ее руссоистской трактовке – в первую очередь из-за своих ближайших следствий в области государственного устройства (идея народного суверенитета). Теория естественного права, согласно Магницкому, «исторгает из руки Божией начальное звено цепи законодательства и бросает его в хаос своих лжемудрствований, нанося святотатственные удары престолам Царей и таинству супружеского союза». Между тем курс естественного права на протяжении первой четверти XIX в. начинает входить в учебную программу университетов. Пытаясь доказать необходимость изъятия этой дисциплины из числа преподаваемых предметов, Магницкий ссылается на то, что «без науки естественного права обходился Древний Рим, будучи королевством, республикой, империей, и тем не менее оставивший нам образцы совершеннейшего гражданского законодательства». Нужно ли бояться, вопрошает далее он, что «университеты наши не могут обойтись без сей науки, когда жил без нее и обходился древний Рим пятьсот лет?»[8] Действительно, тех консерваторов, кто, подобно Магницкому, «...трепетал по непобедимому внутреннему отвращению систематического неверия философии <...> особенно потому, что в истории XVII и XVIII столетий сначала поколебалась вера, потом взволновались мнения переменою значения и подменой слов, и от сего подкопа алтарь Христов и тысячелетний трон государей взорваны» – не могло не подкупать предопределяемое казуистичностью римского частного права отсутствие в нем умозрительной доктринальности.

Римские достижения в области правосудия поминает добрым словом и князь В. П. Мещерский, редактор-издатель и основной автор ультраконсервативного «Гражданина». Вспоминает тогда, когда ему надо было заклеймить решение Санкт-Петербургского окружного суда, вынесшего оправдательный вердикт Вере Засулич. Оправдание лица, покушавшегося на жизнь петербургского градоначальника, шокировало консервативные круги. Выражая эти настроения, князь Мещерский обращается с открытым письмом к председательствовавшему на процессе А. Ф. Кони, с напутственным словом которого к присяжным многие консерваторы связывали подобный исход дела. Письмо Мещерского начинается с презюмирования основополагающих задач суда, не выполняя которые суд не достоин называться органом правосудия. Таких задач, по Мещерскому, две. Первую сформулировали древние римляне, назвав юстицию наукой о справедливом и несправедливом. С тех пор на «судей легла обязанность решать вопрос, кто прав и кто виноват, уча общество науке справедливого и несправедливого». Причем, чем «общество моложе, чем слабее его нравственные устои, чем сильнее колебания в вопросах об юстиции, тем обязательнее для судей быть строгими к себе в отправлении правосудия и в обучении общества посредством судоотправления познанию справедливого и несправедливого». Вторая задача суда – «просветлять и вдохновлять христианскую нравственность». Мещерский оттеняет то обстоятельство, что христианское понятие о юстиции не отменило римское понятие о правосудии, но лишь «прибавилось к нему», возлагая на суд еще большую ответственность за поддержание здорового морального климата в обществе, предъявляя еще большие требования к воспитательному значению судебных приговоров и решений. Между тем оправдание Засулич воочию показало, что отбросивший оба императива – и древнеримский, и христианский – суд создал «прецедент того, что судеб-

[8] Мнение действительного статского советника Магницкого о науке естественного права // Чтения в Обществе любителей истории и древностей российских. М., 1861. Т. 4. С. 157–159.

ный процесс может служить орудием известной квазиполитической партии, игрою в руках того или иного кружка, с заранее определенной, чуждой делу целью»[9].

Идеологической подоплекой обладал и лестный отзыв о римском частном праве, прозвучавший из уст В. А. Грингмута четверть века спустя в стенах Русского Собрания (С.-Петербург) – первого организационного объединения консервативных сил страны. Положим, автор прочувствованных слов о римском частном праве В. А. Грингмут воистину был поклонником цивилистических достижений римлян. И вместе с тем целью его речи не являлось само по себе славословие римскому частному праву. Эту цель вскрывает концовка выступления В. А. Грингмута: «Законы Древнего Рима являются, конечно, превосходящими наши законы, написанные туманно, канцелярским языком, и требующие на каждую строчку двадцать сенатских толкований. Конечно, не наша Дума создаст законы, подобные римским»[10]. Убежденный и упорный враг парламентаризма, В. А. Грингмут считал создание Думы фатальной ошибкой царизма и до конца своих дней боролся за превращение ее из законодательного в законосовещательный орган. Отсюда понятен риторический прием его речи в Русском Собрании. Сносить антиправительственные выходки Думы, выходит по В. А. Грингмуту, еще имело бы хоть какой-то смысл, когда бы ее деятельность способствовала повышению качества русского законодательства (во многом проигрывающего в сравнении с аутентичным римским правом), но поскольку Дума состоит из дилетантов, не имеющих ни должного опыта, ни необходимых познаний для составления законов, то ее деятельность – помимо политической дестабилизации – будет способствовать еще большему ухудшению юридико-технических характеристик русских законов. Оттого Дума в качестве законодательного института должна быть уничтожена.

Можно привести в этой связи и еще одну цитату: «Далеко не все народы отличались способностью к созиданию прочных правовых систем. У одних народов правовое сознание очень быстро кристаллизовалось в правовые нормы, другие долго оставались в области судебных решений, неспособных отрешиться от индивидуальных особенностей каждого отдельного дела. Наибольшим правовым гением обладали римляне, а греки долго оставались на уровне древнегреческих фемид»[11]. И вновь смысл того, что действительно хотел сказать автор, уясняется лишь после анализа контекста, в который была погружена эта хвала созидательным способностям римлян в юридической сфере. Оказывается, что она потребовалась лишь в порядке наглядного примера органической укорененности в каждом народе тех или иных способностей или, напротив, прирожденного же отсутствия способностей в какой-либо области практической деятельности или знания. В этом русле проводилось и доказательство основного тезиса – русский народ, не обладая дарованиями римлян, не может в лице своих выборных депутатов самостоятельно законодательствовать в рамках парламентарной системы.

В сочинениях консерваторов нередко встречались отсылки либо к практике римских институтов, либо к правилам, созданным римской юриспруденцией и относящимся прежде всего к процессуальной сфере (или же хотя бы и относящимся к сфере материально-правовой, но принадлежащим к числу так называемых общих принципов права). Так, призывая очистить сословие присяжных поверенных от космополитических элементов, В. Птицын пишет: «Древние римские адвокаты управляли Римом и миром, адвокаты византийского периода создали бессмертные законы – русские адвокаты должны держать перед глазами эти образцы»[12]. Со своей стороны, орган фракции правых Государственной Думы, газета «Земщина», питая широко распространенное среди консерваторов представление о бюрократии как своего рода «пятой колонне» по отношению к самодержавию, полагает, что «основной тезис римского права: “нет прав без обязанностей,

---

[9] *Мещерский В. П.* Письмо к председателю Санкт-Петербургского окружного суда г. Кони // Гражданин. 1878. № 16/17. С. 314.

[10] Диктатура // Русская земля. 1907. № 338. С. 3.

[11] *<К. Т.>* К парламентаризму в России // Русский голос. 1906. № 277. С. 1–2.

[12] *Птицын В.* О реформе русской присяжной адвокатуры // Наблюдатель. 1903. № 7/8. С. 79–90.

а обязанностей без прав" надо помнить всем сановникам и чиновникам, всем получающим содержание от казны, т. е. существующим на народный счет»[13].

Уже в послереволюционном изгнании один из органов эмигрантской правой мысли – «Вестник русского легитимизма» – снабжает римское право вполне положительными коннотациями. Здесь мы находим следующее суждение, содержащее скрытую ссылку на знаменитое высказывание римского юриста Ульпиана: «Мужик представляет ту истину, взятую из римского права и проникающую все европейское правосознание, которую забыли вы. Он помнит очень хорошо, что "никто не может передать другому больше прав, чем он сам обладает". И когда ему отдают землю большевики, он думает: "сами ограбили Россию, а потом вы удерете, а я отвечай"...»[14] Не приемля политику уступок, та группировка монархической эмиграции, которая сплотилась подле «Вестника русского легитимизма», спорит с мнением о том, что Советы, отдав крестьянству землю, могут примириться с крестьянством, а потому, дабы перехватить инициативу, нужно признать за крестьянством земельные приобретения, на которые оно притязает. И вот оказывается, что эта затея и так у большевиков не пройдет, ибо этого не позволит правосознание русского мужика. С одной стороны, здесь, так же как и в других приведенных примерах, очевидна идеологическая мотивировка, заставляющая признать правовую культуру крестьянина вполне настроенной на римско-правовую волну, подобно тому как немногим менее десятилетия тому назад тому же крестьянину приписывалось тотальное непонимание римско-правовых принципов. Но, с другой стороны, этот пассаж позволяет увидеть, насколько глубоко римско-правовые представления «въелись» в мировоззрение самих идеологов консерватизма.

В любом случае о многом говорит уже сам факт обращения консерваторов к авторитету римского частного права, а следовательно – косвенного признания этого авторитета.

II

Что касается собственно критики консерваторами римского частного права, то, хотя каждый новый этап развития русской консервативной мысли неизбежно знаменовался определенными особенностями, все же в отношении основных линий этой критики последующее поколение консервативных идеологов принимало эстафету от поколения предшествовавшего.

Прежде всего консерваторы советовали остерегаться переноса уже воспринятых русским законодательством норм римского частного права на все более и более широкий круг объектов имущественного оборота. В первую же очередь ими двигал страх за судьбу двух видов объектов недвижимости, которые могли бы подвергнуться необратимой коррозии в случае регулирования их нормами о собственности, восходящими к римскому праву. Эти объекты – земли крестьянской общины и земли из разряда так называемых родовых имуществ, принадлежавшие владельцам-дворянам, – гарантировали существование сословий, небезосновательно расцениваемых консерваторами в качестве двух уникальных составляющих социальной опоры традиционной России. Другое дело, что внутри консервативной мысли одни течения считали оплотом самодержавия крестьянство; другие, напротив, предпочитали видеть в царе «первого дворянина»; третьи полагали оба сословия в равной мере поддерживающими царизм. Тем не менее все они не видели иных социальных групп, кроме крестьянства и дворянства, на которых традиционный порядок мог бы рассчитывать. Если, конечно, не принимать во внимание остающегося в гордом одиночестве экс-народовольца Л. А. Тихомирова, с его упованиями на то, что при правильном подходе со стороны правительства третьей составной частью мог бы стать рабочий класс.

Общим при отстаивании ограниченного распоряжения общинной землей и земельными родовыми имуществами был тезис о том, что русское право никогда не служило и

[13] <*Як.*> Черноморское побережье // Земщина. 1913. № 1353. С. 3.

[14] <*Экономист*> Ставка на мужика // Вестник русского легитимизма. 1923. № 9–10. С. 7–8.

далее не должно служить лишь самодовлеющим экономическим интересам, что оно не должно, подобно римскому праву, превращаться в своего рода служанку имущественного оборота. Так, призывая «сохранить наследие старины – институт родовых имуществ», А. А. Башмаков (видный деятель панславизма, исследователь обычного права, в будущем редактор «Правительственного вестника») объясняет, отчего надо поступить именно так: «Этим мы внесем лепту в народную сокровищницу. Она вносится каждый раз, когда законом или вольным словом посеяно в народе убеждение в том, что гражданское право не печется об одних ценностях и деньгах, что оно мертво, когда в нем нет традиции духа живого»[15]. По выходе в свет труда А. А. Башмакова, посвященного правовому статусу родовых имуществ, «Московские ведомости» отозвались на него в высшей степени положительной рецензией. Прежде всего газета приветствовала занятую автором позицию – «сторонника разумного консерватизма в праве, которому противна ломка института, проектируемая некоторыми его противниками, неодобрительно относящимися к нему в принципе»[16].

В другой раз защита института родовых имуществ вынудила «Московские ведомости» вступить в спор с «Журналом Министерства юстиции», поместившим обстоятельную статью, содержащую нападки на этот институт как на нонсенс с гражданско-правовой точки зрения. В частности, в этой статье доказывалось, что то правило, на котором покоился весь институт родовых имуществ и которое гласило, что если не подлежащие передаче по завещанию земли дворян каким-либо образом все же попадают в чужое владение, то они подлежат возврату обратно посредством родового выкупа, – «создает неуверенность в прочности законно приобретенных прав собственности на недвижимое имение». Говорилось и о низкой действенности законов, охраняющих родовые имущества, ибо, «по свидетельству судебной практики, они не встречают сочувствия в нашем обществе, которое, будучи проникнуто убеждением в нецелесообразности этих законов, постоянно их обходит». Между тем закон, «постоянно и безнаказанно нарушаемый, не соответствует господствующим взглядам на право и справедливость и, следовательно, не только не нужен, но положительно вреден, ибо подрывает в народе уважение к законам вообще»[17]. Последнему тезису, действительно являвшемуся самым слабым звеном развернутой в статье доказательственной цепи, от рецензента «Московских ведомостей», как и можно было предполагать, досталось больше всего. Рецензент писал: «Всем известно, что самовольные лесные порубки приняли у нас колоссальные размеры, что в некоторых местностях у крестьян укоренилось ложное сознание, что так как "лес – Божий", то он не составляет ничьей собственности. Становясь на точку зрения г. Ильяшенко (автор статьи в «Журнале Министерства юстиции». – *А. К.*), пришлось бы отменить все законы, ограждающие неприкосновенность частновладельческих лесов. Трудно даже сказать, до чего можно дойти в этом направлении!» Не произвел впечатления даже довод автора рецензируемой статьи о том, что родовые имущества не имеют корней в национальном правосознании, на что указывает неведомость «обычному праву крестьян деления имуществ на родовое и благоприобретенное». Этот аранжированный в консервативной стилистике аргумент «Московские ведомости» тоже отмели: «И что же может доказать ссылка на это? Необходимость подчинить все остальные сословия обычному праву крестьян? Но ведь это абсурд!»[18]

И все же, невзирая на всю энергичность возражений против применения к родовым имуществам всех тех правомочий, которые по римскому праву находились в руках собственника, основные усилия консерваторов были сосредоточены на защите имеющего место правового режима земель крестьянской общины. Именно стремление сохранить крестьянскую общину продолжало оставаться главной причиной, заставлявшей немалую

---

[15] См.: *Башмаков А. А.* Институт родовых имуществ перед судом русской юриспруденции. СПб., 1897.

[16] <*А. Ф.*> Библиография // Московские ведомости. 1898. № 93. С. 5.

[17] Ильяшенко // Журнал Министерства юстиции. 1900. № 2–4.

[18] «Вредные обломки старины» // Московские ведомости. 1900. № 233. С. 1.

часть консерваторов весьма и весьма холодно относиться к распространению норм римского частного права на крестьянское хозяйствование. Причем как на отношения непосредственно связанные с землей, так и на иные складывающиеся внутри крестьянской семьи имущественные отношения.

Не скроем, что в русском консерватизме присутствовал и иной подход к вопросу о допустимости применения общегражданских (римско-правовых) норм к крестьянскому хозяйствованию. Правда, как по своей влиятельности, так и по численности своих представителей в среде консерваторов – идеологов и государственных деятелей – подход этот не шел ни в какое сравнение с тем воздействием, которое всегда оказывалось консерваторами-«общинниками» на преобладающую настроенность идеологии русского консерватизма, и с тем воздействием, которое не всегда, но все же в течение довольно-таки продолжительного времени оказывалось ими на правительственный курс.

Самым ярким выражением антиобщинного подхода (и, следовательно, весьма расположенного к восприятию римско-правовых норм) можно считать программу направления, глашатаем которого стала газета «Весть» (1865–1870). Большинство консерваторов, входивших в эту, представлявшую интересы среднепоместного и отчасти крупного дворянства, группу, уповало, что пореформенная Россия изберет прусскую модель развития, характеризующуюся наличием крепкого дворянского (юнкерского) землевладения, обрабатываемого силами батраков. Другая же часть антагонистов общины брала за образец английскую модель. К последним принадлежали либо наиболее либеральные представители группы (исходя из политических соображений), либо те из крупнейших владельцев земельной недвижимости, кто был пленен картиной процветающих латифундий лендлордов, возделываемых фермерами-арендаторами.

Объективно группировка консерваторов, чьи взгляды обнародовались при помощи «Вести», предлагала свое решение той же самой задачи, за которую спустя почти полвека взялся П. А. Столыпин – создать русской монархии надежную социальную опору из класса земельных собственников. Однако Столыпину пришлось действовать тогда, когда и престиж царизма был изрядно подорван, и тот материал («кулак», т. е. сельская мелкая буржуазия), который планировалось сделать массовой базой русской монархии, был по своим социально-психологическим характеристикам и экономическим параметрам неизмеримо более отделен от олицетворяющей самодержавие правительственной бюрократии, нежели земельное дворянство (к началу XX в. окончательно оскудевшее).

Субъективно же проект «Вести» предусматривал продолжение (а с учетом возможного центрального представительства с депутатами от земельного дворянства на первых ролях – и укрепление) господства одного сословия – и даже одной, поместной, части этого сословия! – применительно к новой, пореформенной, ситуации[19].

На пути реализации социально-экономической части проекта «Вести» возвышалось как минимум два препятствия.

Первое – самодержавие. Оно в целом совсем не было склонно к дарованию всероссийского выборного представительства даже при условии его консультативного (законосовещательного) характера и строго цензового избирательного права (ведущего, по сути, к преобладанию в составе такого органа делегатов от поместного дворянства).

---

[19] Стоит добавить, что соображения «Вести» по поводу имперского строительства (консолидация многонациональной элиты, допущение относительной автономии окраин, осуждение насильственного обрусения) в контексте польского восстания 1863 г. усиливали непопулярность группировки, сплотившейся вокруг «Вести», в среде консерваторов (как славянофилов, так и государственников) и бросали дополнительный негативный отсвет на всю ее платформу вообще. Что касается других течений русской общественной мысли, то ими «Весть» воспринималась как цитадель ультраконсервативных и едва ли не крепостнических сил. Недаром же в известной сказке М. Е. Салтыкова-Щедрина «Дикий помещик» для характеристики главного персонажа рассказчик считает вполне достаточным сослаться на то, что «был тот помещик глупый, тело имел мягкое, белое и рассыпчатое, а читал газету "Весть"».

Второе – община. Почти в каждом своем номере «Весть» давала залп по законам, оберегающим «...крестьянское домохозяйство искусственными мерами, запрещая в случае взыскания продавать ту часть движимого имущества, которая "составляет необходимость в крестьянском хозяйстве"; запрещая продавать всю землю, принадлежащую крестьянскому обществу или, если эта земля находится в их пользовании – возвращать ее помещику»[20]. Почему консерваторам, проводившим свои воззрения через «Весть», так мешали те законы, которые «в случае несостоятельности крестьянского общества к платежу долгов, казенных сборов или частных оброков запрещают поступать с крестьянами на общем основании, как поступают с дворянами, купцами и прочими сословиями»? Ответ напрашивается сам собой. Ведь именно из бывших общинных земель, превращающихся в частную собственность отдельных крестьян и попадающих теми или иными путями в орбиту дворянского землевладения, проект «Вести» предполагал образовать ту материальную базу, которая позволила бы поместному дворянству верховодить в социально-экономической сфере.

Но, как учит история, контроль за этой сферой рано или поздно приводит к установлению контроля и над политической властью. Таким образом, главным институциональным барьером, не оставляющим проекту «Вести» ровно никаких шансов на претворение в жизнь, являлся все же не механизм управления самодержавной монархией (при всем его имплицитном антипарламентаризме), а община.

Для нас во всем этом самое примечательное, пожалуй, то, что для отстаивания проекта, чья элитарность (если не сказать олигархичность) заставляет признать за ним несомненно консервативный характер, был избран лозунг защиты права собственности со всем предусмотренным римским правом набором прерогатив собственника. «Весть» не упускала случая пояснить, что она борется с общиной прежде всего из-за того, что «новый порядок вещей может выработаться только из широкого применения права собственности»[21]. Не ставя под вопрос «благонамеренной попечительности» ограждающих общину законов, «Весть», однако, рекомендовала исходить из того, что сущность общинной системы и государственного покровительства ей «рухнула 19 февраля 1861 г.» – в тот самый момент, когда крестьянами была получена личная свобода. «В основе прежнего порядка вещей лежала опека. В основу нового положения легли инициатива, самодеятельность, свобода. Середины тут быть не может. Двигателем производства может являться одно из двух: или господин, распоряжающийся крепостным и понуждающий его к труду, а вместе с тем заботящийся о нем и за него отвечающий. Или – полноправное лицо, самостоятельно распоряжающееся собой и своим имуществом со всеми последствиями такого распоряжения. В первом случае, энергия труда возбуждается принуждением, угрозой или наказанием. Во втором – предприимчивостью, жаждой приобретения, наконец, нуждой. Надо привести в соответствие с этим новым порядком все законы наши, которые очевидно идут с ним вразрез и ослабляют энергию того единственного двигателя труда, который присущ свободе»[22]. Как можно убедиться, ультраконсервативная (каковой ее единодушно считали) «Весть» с легкостью прибегает к аргументации, сделавшей бы честь записному защитнику принципов полноты права собственности и свободы распоряжения собственностью. Принципов, черпающих свои истоки в римском частном праве и сформулированных в праве пандектном.

С «Вестью» враждовали «Московские ведомости», проводившие линию консерваторов-государственников (или «охранителей» в узком смысле слова), которые с негодованием взирали на политическую часть программы «Вести», где можно было найти и «парламентарные» амбиции, и неприятие русификаторского курса на окраинах. Но больше всего доставалось «Вести» за социально-экономическую часть ее программы от лидера славянофильской периодики тех лет, газеты «Москва».

---

[20] Необходимость равноправности крестьян // Весть. 1869. № 313. С. 1.
[21] Экономическая необходимость // Весть. 1869. № 357. С. 1.
[22] Необходимость равноправности крестьян. С. 1.

«Весть» полемизировала с отстаивающими общину славянофилами с самых разных сторон.

Во-первых, она опровергала славянофильскую теорию о патриархальном и родовом происхождении русской сельской общины. В этих целях «Вестью» был взят на вооружение труд Б. Н. Чичерина «Обзор исторического развития сельской общины в России», где обосновывалось государственное происхождение общины и показывалось, что последняя есть не более чем «продукт крепостного права и несения сословных обязанностей»[23].

Во-вторых, не ограничиваясь разоблачением концептуальных изъянов славянофильского учения об общине, «Весть» пыталась доказать его идеологическую порочность с точки зрения общеконсервативных «стандартов». Ввиду отказа славянофилов признать за членами общины право выдела и получения своей доли земли в частную собственность «Весть» бросала им обвинение в социалистических вожделениях. «Учение о том, что человек должен принадлежать миру, а мир ему, сливаясь с самыми задушевными мечтаниями западного социализма, развилось в идею поглощения личности и разрушения понятия о праве собственности под маской прирожденного русскому человеку права на землю»[24]. Итак, вдобавок ко всему, зачинатели борьбы с преклонением перед Европой уличались «Вестью» – ни много ни мало – в едва ли не прямом заимствовании социалистических идей с Запада.

В-третьих, звучало утверждение о том, что тезис славянофилов насчет будто бы врожденного русскому крестьянину предпочтения общины и проистекающего отсюда упорного нежелания подчиняться общегражданским, а не обычно-правовым нормам совершенно не выдерживает проверки жизнью. Чтобы убедить в этом, «Весть» обращается к практике семейных разделов внутри одного крестьянского хозяйства. «Общинное землевладение мешает применить к крестьянам те же имущественные законы, которые существуют для других классов населения. Но что такое семейные разделы? Не есть ли это протест против общины? Семейство есть община более естественная, чем община сельская. Если крестьяне тяготятся такой общиной, ежели им несносна общность имущества в семействе, то можно ли навязывать им расположение к более крупному общинному владению? А между тем общинное владение выставляют как особенность русского общественного быта, проистекающую из особенных свойств русского человека»[25].

И наконец, четвертый аргумент – утилитарный. «Весть» предлагает исходить из основного экономического критерия – рентабельности. «При частных взысканиях с крестьян закон ограждает как землю, находящуюся в их пользовании, так и значительную часть – на практике почти все – их имущества. Таким образом, наш Свод Законов заключает в себе статьи, имеющие целью поддержать в положении самостоятельного хозяина людей, очевидно к тому неспособных. Так называемое "обезземеливание" – естественное распределение населения на имущих и неимущих; на умеющих вести самостоятельное хозяйство и не умеющих вести его. Государство и производительные силы только выиграют, если хозяйство неумелого работника закрывается, а находившаяся в его распоряжении земля переходит в руки хозяина способного, толкового, капитального»[26]. Это сдобренное своеобразным социал-дарвинизмом обращение к чувству элементарной практичности почти что дословно предвосхищает те резоны, которыми затем столь охотно будут оперировать пропагандисты столыпинской реформы.

Но, повторим еще раз, группировка «Вести» представляла собой своего рода исключение. Против переноса римско-правовых норм о собственности на экономическую жизнь сельской России выступали до революции 1905 г. почти все консерваторы, а после революции – их значительная часть.

---

[23] См.: <Редакционная статья, б/н.> // Весть. 1869. № 64. С. 1–2; № 65. С. 1–2; № 66. С. 1–2.

[24] <Редакционная статья, б/н.> // Весть. 1869. № 15. С. 1–2.

[25] Протест против общинного владения // Весть. 1869. № 323. С. 1–2.

[26] Необходимость равноправности крестьян. С. 1.

В первых рядах противников роспуска общины и перевода крестьянского быта в русло общего гражданского-правового порядка были представители славянофильской ветви консерватизма. Один из ведущих органов этого направления, газета «Свет» привлекала внимание к следующему: против общины «пишут люди, вооружась всей силой юридических соображений» и стараясь доказать, что пока экономическая жизнь крестьянства не встанет на рельсы покоящегося на римских началах регулирования, до тех пор в русской деревне будет царствовать второе крепостное право. «Основа гражданских правоотношений в общинном быту та же самая, какая была и в крепостном состоянии. Помещика-собственника сменил мир-собственник. Ввиду ограничений прав отдельных лиц в пользу мира и рода крестьянин оказался лишенным главнейших гражданских прав» – так, например, обосновывал свою позицию А. Никольский, часто выступавший по соответствующей проблематике со страниц «Нового времени». Не оставлявший без ответа ни одну антиобщинную публикацию «Свет» опирался в основном на несколько соображений.

Сначала идет тезис, так сказать, оборонительного характера: «Свет» отметает часто употребляемые в отношении сторонников общины упреки в социалистических симпатиях. На тот момент под «социализмом» консервативная мысль понимала идейный комплекс, где неразрывно соединялись социально-экономический коллективизм и политический антимонархизм. Именно ввиду этого последнего свойства тем консерваторам, социально-экономические взгляды которых не слишком-то расходились с социалистической платформой (по крайней мере, в ее народнической вариации), все же приходилось определять как «инсинуации» любые подозрения насчет сочувствия, будто бы испытываемого ими к социалистическим идеалам. Община («мир»), пишет «Свет», не может считаться апофеозом коллективизма уже потому, что в ее состав входит каждый отдельный хозяин, сохраняющий известную хозяйственную самостоятельность.

Дальнейшая аргументация приобретает уже не оправдательный, но наступательный характер. Помимо прочего, тут встречаются и доводы прагматического плана. «Уничтожение общины вызовет неизбежные смуты при переделе земли. Обезземеленные бедняки пойдут в города и создадут в России не существовавший в ней пролетариат. Едва ли общее благо увеличится этим воинством босяков, которым будет нечего терять, потому что они уже все потеряли», – предупреждает о возможных социальных катаклизмах «Свет».

Но, что ни говори, главное в аргументации консерваторов-«общинников» – это боевой антииндивидуализм, нацеленный против, вероятно, генеральной отличительной особенности «духа» римского права в его интерпретации пандектным правом. Для этих консерваторов индивидуализм «есть принцип рабства, насилия и разрушения, но не свободы и созидания». Общину же надо беречь как раз из-за того, что «там принципу индивидуализма – все для меня, а я для себя – нет места»[27]. Поэтому и суждения «Света» на данный предмет категоричны донельзя: «Нет в надлунном мире такого государственного или общественного устройства, в котором интересы единицы не приносились бы в жертву интересу общему. Старая истина, гласящая о том, что свобода каждого ограничивается теми пределами, где начинается свобода другого, есть одна из основ человеческого общежития. Если критиковать уклад крестьянской общины, то, во всяком случае, не с точки зрения недостаточной свободы личности»[28].

Помимо консерваторов-славянофилов свободный оборот крестьянской земли находила нежелательным и часть идеологов другого течения пореформенного консерватизма – государственнического (или «охранительного» в узком значении). Отчего консерваторы-государственники держались за общину и такие общинные институты, как, например, круговая порука? Во-первых, ценя в них эффективные административные и фискальные инструменты, позволяющие самодержавию управлять многомиллионной массой своих подданных, не прибегая к ослабляющим власть представительным учреж-

[27] См.: *Дружинин С. А.* Крестьянское самоуправление в связи с дворянским вопросом. СПб., 1902.
[28] Свет. 1902. № 72. С. 1.

дениям (за вычетом имеющих сугубо хозяйственные задачи земств). Во-вторых, в общине им виделось важное подспорье попечительной политики, ставящей заслон обезземеливанию и пауперизации крестьянства.

Решительным сторонником неотчуждаемости крестьянских наделов, в том числе и после внесении крестьянами всех выкупных платежей, был и авторитетнейший представитель консерваторов-государственников К. П. Победоносцев. В своем главном труде – «Курсе гражданского права» – он, возражая против превращения крестьянской земли в предмет свободной купли-продажи, писал: «Нельзя не пожелать, чтобы критика старых наших законов, относящихся к недвижимой собственности, критика, особенно усилившаяся в последнее время, приступала осторожней к оценке явлений нашей жизни. Страшно разрушать, что еще не вполне понятно»[29].

В опубликованной два десятилетия спустя статье «Семейные участки» К. П. Победоносцев уже заводит речь не только о поддержании специального ограничительного режима (как в случае с общинной землей), но и о введении таких ограничений для мелкого и среднего дворянского землевладения – дабы «охранить его от разложения». Полемизируя с «мнениями теоретиков отвлеченного начала свободы всякого рынка», он призывает лишить помещика в отношении своей земли той полноты распоряжения, которой римское частное право привыкло наделять собственника[30]. Неприятелем индивидуального крестьянского хозяйствования К. П. Победоносцев оставался до конца своей жизни.

К. П. Победоносцев, напомним, являлся одним из ведущих идеологов «охранительного» направления в русском консерватизме. Не странно поэтому, что с мыслями, высказанными им, проявил солидарность орган печати, бывший главным рупором того направления, – «Московские ведомости». Видный консервативный публицист Иван Дурново признавался: «Из статей, замечательных и по содержанию, и по положению в правительстве ее автора, я в последние годы знаю только одну – слишком мало до сих пор замеченную и оцененную статью г. обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева о поземельной собственности крестьян. Эта статья превосходна по глубине и правильности постановки в ней принципа государственного, а не частного только значения и правового характера всякого землевладения вообще в России»[31].

Более подробного рассмотрения заслуживают обстоятельства, по которым идеи К. П. Победоносцева относительно правового режима крестьянской земельной собственности получили всецелое одобрение журнала «Наблюдатель». Это издание представляло собой своеобразное, а в известном смысле – и раритетное, явление в рамках русской консервативной традиции (относя к последней все течения общественной мысли, характеризующиеся антилиберализмом и непричастностью к левому радикализму). А. Пятковский – определявший в качестве бессменного издателя «Наблюдателя» его идеологический облик – обозначал направление журнала как «национально-прогрессивное». Действительно, такие прогрессистские черты, как отрицание за дворянством права на какое бы то ни было первенство в управлении, обостренная забота о социально-экономической устроенности масс, осуждение идеализации допетровских порядков и положительное отношение к преобразованиям, направленным на модернизацию России в экономическом и технологическом отношениях, уживались здесь с неподдельным монархизмом и не менее явной ксенофобией.

К римскому частному праву «Наблюдатель» относился как к одному из тех «посланцев» западной цивилизации, которых России не следует особо привечать, дабы не размывать свою культурную идентичность, не провоцировать появления в национальной психологии губительных – с точки зрения интересов социальной солидарности и сохранения автократии – эгоистических и потребительских начал. Что же касается экономического эффекта, сопутствующего применению на Западе римского частного права, то Россия вполне в состоянии добиться его и иными путями, нежели перенимая римско-правовые институты. Применение же таких институтов в отношении крестьянского зем-

[29] *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. М., 1868. Т. 1. С. 57.
[30] См.: *Победоносцев К. П.* Семейные участки // Русский вестник. 1889. № 9. С. 71–72.
[31] *Дурново И. С.* Два консерватизма // Московские ведомости. 1893. № 193. С. 3–4.

левладения поведет, по «Наблюдателю», к молниеносному и неслыханному раздроблению этого землевладения и в итоге – к коллапсу аграрного сектора русской экономики. В этой связи программной для «Наблюдателя» стала публикация в 1888 г. цикла статей Г. П. Сазонова «О неотчуждаемости крестьянских земель»[32]. Год спустя «Наблюдатель» радуется выходу труда того же автора «Неотчуждаемость крестьянских земель в связи с государственно-экономической программой», в котором подробно разбирались все проистекающие от возможного применения римско-правовых норм к крестьянскому землевладению опасности[33].

С учетом сказанного становится понятно, отчего «Наблюдатель» дословно воспроизвел пассаж из статьи К. П. Победоносцева о семейных участках относительно того, что «в стране земледельческой, где, как у нас, до 15/16 населения суть сельские жители, объявить для крестьян всякую землю вольным товаром – значило бы оставить их без всяких средств к удержанию земли, к поддержанию хозяйства, к обеспечению от нищеты и голода»[34].

С созданием Русского Собрания, которое предприняло первую попытку консолидировать консерваторов во всероссийском масштабе (пока только в целях выработки общеприемлемой идеологии и единения на почве такой идеологии), при нем образовалось Особое совещание по народному праву. Уже на одном из первых его заседаний (осень 1901 г.) был заслушан доклад «Несколько замечаний по истории древнерусской общины», сделанный председателем Особого совещания А. А. Папковым. Как докладчик, так и выступавшие в прениях оценивали «общинное начало как краеугольный камень русского правового уклада» и предостерегали от всего, что может представлять для него хоть какую-нибудь угрозу. Именно в этом разрезе одна из выступавших, А. М. Евреинова (между прочим, имеющая присужденную Лейпцигским университетом степень доктора права), говорила «об увлечениях Западной Европы римским правом и о неприменимости его к русскому правовому строю»[35].

Что касается критики римского частного права, предпринимавшейся консерваторами в условиях думской монархии, то она была, с одной стороны, по-прежнему связана с проблемой дальнейшей рецепции русским правом римских норм (и расширения действия норм, уже воспринятых отечественным законодательством), а также с проблемой преподавания римского частного права в высших учебных заведениях..С другой стороны, популяция консерваторов, наиболее ярко проявившая себя после 1905 г., обладала известными отличиями от предшествовавшего поколения. Эти отличия, о которых речь пойдет несколько позднее, повлекли за собой модификацию и общей тональности критики римского частного права, и набора используемых аргументов. Появились ли в условиях думской монархии в палитре консервативной критики римского частного права доселе совсем неизвестные краски? Да, появились. И это было связано со спецификой идейного облика поколения консерваторов, выступившего на арену политической и идеологической борьбы после 1905 г.

Что касается моментов преемственности, то, как и раньше, стремление консерваторов-«общинников» защитить общину объясняло их несогласие с унификацией личноправового статуса крестьянина относительно того статуса, которым пользовалось остальное коренное население Империи. В период, последовавший за первой русской революцией, как известно, стал осуществляться столыпинский план ликвидации общины через выделение крестьян на хутора, переселения и т. д. Дни общины были сочтены. Те из консерваторов, кто продолжал воспринимать общину в качестве незаменимой модели социального и экономического устройства для сельской России, крайне болезненно переживали происходящее. Вынося тысячелетней общине смертный приговор, правитель-

---

[32] *Сазонов Г. П.* О неотчуждаемости крестьянских земель // Наблюдатель. 1888. № 2. С. 308–319; № 3. С. 41–73.

[33] Новые книги // Наблюдатель. 1889. № 5. С. 19–21.

[34] См.: Наши внутренние дела // Наблюдатель. 1889. № 10. С. 31–32.

[35] Русское Собрание // Свет. 1901. № 303. С. 1.

ство совершало, в их глазах, такой грех, который не могли искупить ни заслуги в деле подавления революционной смуты, ни проведение активной русификации окраин.

В консервативной публицистике тех лет тема противостояния римского частного права и русского правосознания зазвучала с новым накалом. В убийственной рецепции обвинялось само правительство. «Столыпин объявил войну общинному землевладению и вел ее страстно, нанося удары этому исконному институту, заменяя его формами римского индивидуального права. Он принес интересы мира в жертву корыстным, нередко безнравственным домогательствам отдельных лиц и тем внес в крестьянство смуту, чреватую зловещими результатами» – такова принадлежащая Г. П. Сазонову (который и четверть века спустя не изменил своим общинным привязанностям и антироманистическим предубеждениям) посмертная оценка деятельности председателя Совета министров[36].

Газета «Русский голос», чей консерватизм был, как и у «Голоса земли», приправлен – в социально-экономической части – изрядной дозой народничества, также исходила из глубокой органичности русскому народу «взращенного веками общинного быта». Многовековое сосуществование сельских жителей в общине «создало целый цикл понятий и обычаев, имеющих в глазах крестьян обязательный характер и выражающих душу народа, его идеальные стремления и симпатии». Эти обычно-правовые понятия нельзя в одночасье переменить на нормы римского происхождения без того, чтобы не нанести тяжелую рану народному правосознанию. «Доктринерство» вскормленных на римском праве юристов «должно иметь свои границы, ибо мудрить над жизнью безнаказанно нельзя». Наоборот, следует уничтожить маргинальное положение, отведенное – если судить по законодательной урегулированности и признанности цивилистической теорией – общинному пользованию землей. Оно, считает «Русский голос», «представляет собой один из видов прав на недвижимое имущество и должно считаться таким же институтом гражданского права, как и другие виды собственности»[37].

«Московский голос», который из всей журнально-газетной периодики России начала XX в. был в наибольшей степени близок заветам славянофильства, разумеется, не мог со спокойным сердцем присутствовать при сугубо насильственной (как ему казалось) кончине общины. «Московский голос» прежде всего волновало то, что при перенесении на крестьянский быт «норм десятого тома (Свода Законов Российской империи. – *А. К.*) собственником всего имущества окажется домохозяин, а не двор», т. е. в области аграрного хозяйствования будет открыта дорога индивидуализму, тождественному для консерваторов-«общинников» хищничеству[38].

Последовательно прообщинную позицию занимал и центральный орган Союза русского народа, «Русское знамя». На протяжении 1906–1916 гг. он отстаивал «общинную» модель крестьянского землевладения, противопоставляя ее «общей», т. е. основанной на римском праве, модели. Отправляясь от посылки, по которой «источником ошибочных доводов против общинной формы крестьянского землевладения служит полное незнание этого, основанного на обычае, поземельно-правового порядка», авторы «Русского знамени» предпринимали кропотливый сравнительный анализ землевладения «общего» и «общинного». «В неосновательности и рискованности предпринимаемого упразднения общинного крестьянского землевладения легко убедиться, ближе ознакомившись с сущностью некодифицированного доныне общинного поземельного права по обычаю, ограждавшего общинника от обезземеливания»[39]. В итоге общинная модель изображалась как правовой институт, ничем не уступающий по совокупности своих юридико-технических характеристик римской модели, но намного ее превосходящий по критерию

---

[36] *Сазонов Г.* Столыпин и национализм // Голос земли. 1912. № 13. С. 1–2.

[37] *Тур К. И.* В реформаторском пылу // Русский голос. 1906. № 226. С. 1–2.

[38] *Матвеев Д.* Несколько слов к проекту уничтожения волостного суда // Московский голос. 1907. № 14. С. 10–13.

[39] *Бродовский М.* Сущность «общинного» землевладения как правовой нормы // Русское знамя. 1908. № 283. С. 2.

укорененности в народном правосознании и по степени отражения специфики национальных форм хозяйствования.

Мишенью выступлений Ивана Кашкарова, из-под пера которого вышло немало печатавшихся в «Русском знамени» очерков и заметок на социально-правовые сюжеты, стал закон от 18 ноября 1906 г. Кашкарова возмутила провокационная роль этого акта, подстрекавшего крестьян к отказу от общинного пользования землей. Дело в том, что закон дозволял членам общины получать ссуду, причем ее размеры фактически могли доходить до размеров почти всей стоимости имущества. Требовалось соблюдение лишь одного условия: для того чтобы предоставить имущественное обеспечение выдаваемой ссуды, крестьянин должен пойти на выдел из общины. Или, выражаясь языком консервативного публициста, «отказаться от пользования землей на обычном праве, выработанном народом для удовлетворения его нравственных воззрений и экономической необходимости, и заявить желание сделаться личным собственником с правами на землю, перечисленными в десятом томе Свода Законов и заимствованными из-за границы». Несложно догадаться, что под эвфемистическим обозначением «прав на землю, заимствованных из-за границы» здесь, конечно, делался выпад по адресу норм римско-правового происхождения.

Вслед за тем Кашкаров излагает патриархальную теорию возникновения общины, чья внедоговорная природа противна тем навязываемым русской деревне гражданско-правовым отношениям, что покоятся на договоре и восходят к римскому праву. «Русская община, возникшая на родовом начале, на любви и привязанности между собой членов семей, первоначально ее составлявших, разрослась и включила в себя не только близких между собой родственников, но и членов других семей, принадлежащих к одному и тому же всероссийскому племени. Община – это ассоциация тружеников русской земли, вступающих в нее не по особому писаному договору, но по праву, принадлежащему каждому из ее членов в силу своего рождения от родителей, живущих в ее среде». Поскольку община, по Кашкарову, это «расширенная семья, пользующаяся принадлежащими ей угодьями на равных, безобидных для всех ее членов основаниях», постольку главное в общине – «взаимодействие всех ее членов, их нравственное и экономическое единение». Этическая сущность правил, согласно которым от века строились и строятся внутриобщинные отношения, исключает регулирование их по канонам римского права, несущим отчуждение и гибель. Принимая от славянофилов эстафету противопоставления юридических и евангельских начал и в то же время вставая на сторону выдвинутого некогда славянофилами же утверждения о близости заповедей Нового Завета инстинктивному мироощущению русского народа, Кашкаров доказывает, что «христианская нравственность вполне оправдывает основные принципы общины». Не в последнюю очередь это относится и к принципам, хотя бы и «стеснительным для отдельных личностей», но зато дающим «каждому из своих членов нравственную, а нередко и экономическую опору в мире, в народной громаде, во имя чего всякий может несколько стеснить свой произвол и даже свободу ради других». Личная поземельная собственность, архетип которой в глазах консерваторов скрывался не в чем ином, как в индивидуалистическом духе римского права, основана на «взаимном соперничестве соседей между собой, на стремлении каждого собственника превзойти своего соседа и подчинить его себе». «Ни любви, ни родственного чувства, объединяющих членов общины, личные собственники не признают. У них все благосостояние основано на конкуренции и на соревновании, чуждых нравственному чувству!» – экспрессивно заканчивает свои рассуждения автор[40].

И впоследствии «Русское знамя» акцентировало внимание на негативных с морально-нравственной точки зрения последствиях подчинения сельской жизни общим нормам гражданского права. «Главной силой, воспитывающей русского мужика, остается до сих пор сельская община как носительница вековечных христианских понятий и бытовых преданий. Сила народного быта, действуя двумя могучими рычагами – соревнующего

[40] *Кашкаров И.* Зачем обезземеливать крестьян? // Русское знамя. 1907. № 25. С. 2.

подражания и стыда, – поддерживает в каждом уважение к родителям, трудолюбие, благочестие и честность. Расселение по хуторам наполовину освобождает семью и личность от страха быть опозоренным и осмеянным за всякое скверное дело и нравственное неряшество, а кроме того, лишает их возможности учиться у общества доброму православному обычаю, отнимает вообще благодетельную силу общественности. Сохранение религиозного и нравственного строя является самой главной причиной крестьянского благосостояния, так что всякие иные, даже наиболее разумные, меры представляются лишь вторичными. При всякой попытке вводить какие-либо преобразования или улучшения в экономическую жизнь крестьянства надо прежде всего оценить их с точки зрения нравственно-бытовой. И если они в этом отношении окажутся небезвредны, то надо немедленно от них отказаться. Надо помнить, что главной силой, охраняющей в крестьянстве религию и нравственность, является само крестьянское общество с его самобытным строем (деревенская скученность, волостной суд, круговая порука, общинное владение – из чего многое, к сожалению, уже уничтожено). А потому последний следует беречь как высшую драгоценность»[41].

Консерваторам часто приходилось слышать доводы о том, что применение к крестьянскому хозяйствованию более соответствующих требованиям товарного производства общегражданских (т. е. римско-правовых) норм будет тем самым способствовать повышению материального благосостояния крестьянства. В ответ консерваторы заявляли протест против «одностороннего взгляда на крестьянство как на рабочую экономическую силу, а не как на общество живых нравственных личностей, имеющих нужды и интересы помимо экономических – интересы, несравненно более ценные, нежели материальное благосостояние». При этом производилось ранжирование ролей, «играемых» крестьянином, по их социальной и нравственной значимости. На первое место ставилась спиритуальная роль «сына Православной церкви, живущего для исполнения заповедей Божьих и желающего унаследовать блаженную вечность». На следующем месте – социальная роль «гражданина Русской земли, желающего иметь живое и сознательное общение со своими согражданами». И только последнее место отдавалось собственно экономической роли, а следовательно, и правовым нормам, обеспечивающим успешное осуществление таковой роли. Приоритетность спиритуальной и социальной ролей предопределяла то, что «крестьянин не есть просто рабочий, но земледелец по заповеди Божьей». Что это значит? Крестьянин в качестве homo economicus'а «всегда согласен облегчить условия своего труда и умножить его плоды», но он делает это, памятуя о своем духовном и общественном долге, лишь «в точном согласии с первыми двумя назначениями своей жизни, а не в качестве ее единственной или конечной цели». Если же сам крестьянин не понимает этого, то государство обязано помочь ему исполнить свое первоочередное призвание. И вот звучит вывод, не оставляющий и тени какой бы то ни было недосказанности: «Пусть крестьяне лучше остаются навсегда бедными, но честными гражданами и добрыми христианами, нежели богатыми дикарями»[42].

Один из видных деятелей Союза русского народа А. А. Майков выдвигал помимо уже указанных еще один аспект последствий, вытекающих из разрушения общины и из провозглашенной Столыпиным «ставки на сильного». Майкова страшило появление гораздо менее проницаемой для государственного наблюдения системы экономических отношений, воздействовать на которую государству на законных основаниях было бы намного сложнее. К тому же участники такой системы будут иметь перед лицом государства больше прав, чем обязанностей. Зачем же, восклицает Майков, «надо было отменять крепостное право»?! Ведь тогда верховная власть «имела право вмешиваться в отношения сторон, то есть крестьян и дворян, могла делать необходимые ограничения и, наконец, могла вовсе уничтожить его; даже помещик вместе со своим правом имел и обязанности перед государством». Напро-

[41] <*Н. Е. С.*> Письмо из деревни // Русское знамя. 1910. № 2. С. 2–3.
[42] Там же. С. 2–3.

тив, «в право, основанное на началах капитализма, трудно уже будет вмешаться царской власти и совершенно невозможно будет уничтожить его без потрясения и разрушения всего государственного строя». Но ведь самодержавие означает верховенство нравственного начала – каким же образом, потеряв всепроникающую власть, оно будет способно продолжать быть гарантом социальной справедливости и социального равновесия? Да и каким иным средством, кроме самодержавной власти, можно удержать разноверную и разноплеменную страну от распада? Далее следует любопытная историческая параллель. Рим, по Майкову, пал именно от «начал капитализма», от достигшей патологического предела автономии личности и общества от государства. «Неужели же Россия, стремившаяся примирить старый Рим с новым, создать государство на началах, возвещенных Спасителем, должна в конце концов лишь воскресить старый языческий Рим!»[43]

Замечательно, что иные друзья общины из стана консерваторов были не прочь воспользоваться для юридического упорядочения и «облагораживания» общинных отношений, для их закрепления – арсеналом римского права! В частности, К. И. Тур пытался поставить институт сервитутов на службу делу ограничения хозяйственной самодеятельности отдельных членов общины. «К общинному владению не подходит начало о праве собственности общей (ст. 543, т. X Свода Законов), так как каждый член общины есть личный и полноправный собственник своего подворного участка, а потому на те или другие хозяйственные распоряжения испрашивать чьего-либо согласия не обязан. Общинное владение – особый союз отдельных личных собственников, связанных между собой совокупностью общих им всем хозяйственных нужд и выгод. Получая в этом союзе известного рода выгоды, отдельные собственники должны поступаться своими частными интересами и правами в пользу данной общины. Отсюда необходимость ограничения права личной собственности каждого подворного владельца». И вот здесь-то Тур дает совет прибегнуть к помощи института сервитутов, которые, будучи «известны еще римскому праву, тут вызываются крайней необходимостью и должны быть санкционированы законом». Поскольку «законодательство должно ограничить индивидуальное начало в его явно эгоистических стремлениях путем поднятия авторитета и значения сельских общин», постольку «сельской общине должно быть предоставлено право на те хозяйственные распоряжения, которые в силу непреложной необходимости вытекают из ее поземельного устройства»[44].

III

Предпринимаемые консерваторами-«общинниками» нападки на римское частное право активизировались при обсуждении появившихся после принятия Основных Законов в редакции 1906 г. проектов уравнения крестьянства в правах с другими сословиями. Предполагаемая мера логически вытекала, во-первых, из установления представительного строя общегражданского, а не сословного типа, а во-вторых – из столыпинской «ставки на сильных» (упразднение общины и поощрение индивидуального хуторского хозяйства). В своем конкретном выражении уравнение должно было в первую очередь заключаться в ликвидации волостного суда, разрешавшего мелкие гражданские и уголовные дела по обычному праву, с последующим распространением на крестьян норм десятого тома Свода Законов. Норм, имевших, по существу, римско-правовой генезис.

Сделаем небольшое отступление относительно подхода консерваторов к народным обычаям, который в целом трудно назвать однозначным. С одной стороны, часть консерваторов, подобно немецким юристам из числа поклонников исторической школы права, видела в обычаях бастион, сдерживающий и обезвреживающий инородные заимствования в сфере юриспруденции. Так, возглавляемые В. А. Грингмутом – преемником М. Н. Каткова – «Мо-

[43] *Майков А.* Кулачное право // Русское знамя. 1908. № 278. С. 1–2.
[44] *Тур К. И.* Сельская община как хозяин // Русский голос. 1906. № 173. С. 1–2.

сковские ведомости» поддержали высказанную Н. С. Илларионовым в «Судебной газете» идею о том, что незнакомство с обычным правом порождает рознь между волостными съездами, призванными контролировать волостные суды, и волостными судами, вследствие чего «обычное право, которому отведено значительное место в судебной жизни крестьянина, нередко заменяется статьями Свода Законов»[45].

Неудовольствие «Московских ведомостей» также вызвала принадлежащая С. Ю. Витте «Записка по крестьянскому делу», где проектировалось уничтожение сословного строя в крестьянстве, включая и действующий на основании обычного права волостной суд. «Постановления десятого тома Свода Законов сложились на почве правовых понятий и имущественного оборота высших и средних классов – дворянства, духовенства и купечества – и составители этого тома никогда не предназначали его для руководства крестьянским правосудием. Гражданский правооборот у крестьян образовывался на основах порядка семейного и общинного, на принципе проведения во многих гражданских институтах начал общественных и трудовых в ущерб началам индивидуальности и капитализма», – поясняют «Московские ведомости» причины невозможности подчинить крестьянство нормам, восходящим к римскому праву[46].

Но, с другой стороны, части консерваторов было свойственно весьма прохладное отношение к обычному праву.

Во-первых, это консерваторы, трубадуром идей которых была газета «Весть». Вот одна из ее типичных сентенций по поводу обычного права: «Стеснение гражданских прав происходит не только от безусловного подчинения одному лицу. То же влияние оказывает и порабощение личности лицом юридическим, какова у нас община, не менее крепостного права подавляющая личность крестьянина. Община лишает крестьян во многих случаях благодеяний нового суда, подчиняя их так называемому обычному праву»[47]. Ввиду уже отмечавшихся особенностей социально-экономического и политического проекта, предназначавшегося этой группировкой для пореформенной России, она была против обычно-правовых институтов как сдерживающих распадение общины. К тому же ярко выраженный элитаризм этого течения русской консервативной мысли не позволял его представителям хотя бы в малейшей мере идеализировать «самосуд неразвитой массы».

Во-вторых, это консерваторы-«государственники». В силу присущего им этатизма, они с сомнением относились к существованию каких-либо источников права, не созданных волей государства. Представители этой группы были склонны утверждать, что «никакого обычного права в крепостном крестьянстве не было и быть не могло, потому что в каждом селении существовал свой собственный безапелляционный судебный произвол в лице помещика»[48]. По всей видимости, их воззрения обладали достаточной авторитетностью или попросту служили проводником мнения правительственных кругов. Все это впоследствии позволило ратующим за бережное отношение к обычаям консерваторам недоумевать: «Отчего законы, вышедшие в безмятежное нереволюционное время, так мало проникнуты народным духом и связью с русской действительностью, что, например, у нас до сих пор нет кодекса русских гражданских законов, который имел бы хоть какую-нибудь связь с народными юридическими обычаями. Школа обычного права удостоилась гонений и со стороны левых, и со стороны правых: она считалась четверть века тому назад признаком радикализма, а сейчас приравнивается к мракобесию. Тем временем в Государственную Думу вносится законопроект (о волостных судах. – *А. К.*), разбивающий последние надежды на строительство гражданского права на народных обычаях»[49].

---

[45] Судебно-крестьянская реформа // Московские ведомости. 1897. № 261. С. 2.

[46] Реформа волостного суда // Московские ведомости. 1904. № 349. С. 2.

[47] Девятнадцатое февраля // Весть. 1870. № 50. С. 1. См. также: Заметки мирового судьи о Судебных Уставах // Весть. 1869. № 121. С. 3.

[48] *Ромер Ф.* Волость // Московские ведомости. 1897. № 276. С. 1–2.

[49] *Башмаков А.* Об изъянах русской государственной мысли // Московский голос. 1906. № 5. С. 3–4.

С другой стороны, после первой русской революции еще большему кругу консерваторов стало очевидно, что наступление на обычай производится не ради монополизации за государством нормотворческих функций, а во имя водворения прочно связывавшихся с чужеродным влиянием Запада римско-правовых начал. Оттого-то значительная часть консервативной печати, не признавая за римским частным правом (и основанными на нем положениями русского гражданского права) той степени универсальности, которая могла бы позволить безболезненное перенесение действия этих положений на крестьянство, горячо протестовала против проектов замены волостных судов судами общей юрисдикции. Причем в едином ряду оппозиционеров столыпинскому курсу на выкорчевывание обычного права стояли представители различных направлений правого лагеря. Это и придерживавшиеся умеренного консерватизма народнической окраски «Голос земли» и «Русский голос». Это и продолжатель традиций славянофильства «Московский голос». Это и «Русское знамя», чья платформа и риторика являла собой симбиоз из фрагментов идеологии славянофильства, государственнического («охранительного») консерватизма и новых, праворадикальных, элементов. Наконец, это и стоявшее на платформе ничем не прикрытого правого радикализма «Вече».

Народный суд, писал первый публицист «Голоса земли», Георгий Сазонов, «волостной, сельский, деревенский – институт седой старины – исходит из глубины веков. В нем выразились и запечатлелись нормы обычного права, это порождение национального духа. Народу этот институт близок, дорог, он свой, родной. Сам народ избирает лучших людей и им дает право судить и вершить свои спорные правовые отношения. Столыпин, вместо того чтобы очистить этот суд от бюрократических наростов, решил его разрушить, заменив его судом бюрократическим, на основании чуждого народу права». Напомним, что именно намерение экстраполировать на крестьянский быт римско-правовые нормы, проявившееся в отношении к общине и к волостному суду, не позволяло значительной части консерваторов признать Столыпина истинным русским националистом. Столыпин, подчеркивает Сазонов, отбросив веками складывавшиеся русские институты, «ухватился лишь за ту сторону русского национализма, которая вызывает рознь даже среди русских патриотов, – за инородческий вопрос»[50].

Консерваторы-«общинники» из славянофильского «Московского голоса» укоряли правительство («бюрократию») за то, что в начале 1905 г. оно, «самонадеянно отвергнув обследование на местах народных взглядов на землю и суд, предложенное Ф. Д. Самариным Особому совещанию под председательством С. Ю. Витте, теперь жаждет упразднения сословного крестьянского суда с его обычным правом и введения выборного всесословного суда, вооруженного всеми благами X тома, которыми зачастую не удовлетворены и более развитые люди». При этом доказывалась полная неприспособленность римско-правового регулирования для нормирования гражданско-правовых отношений внутри крестьянства: «Например, неоднократный факт присуждения денежной помощи ведущим крестьянство старшим членам двора с живущих на стороне младших членов двора идет вразрез с нормами X тома, но очевидно зиждется на народном взгляде на это и на местном обычае. Ломка этого установившегося обычая не может не отозваться самым болезненным образом на всем хозяйстве крестьянском в данной местности. Крестьянам, у которых во имя каких-то там высоких или иных принципов отнимают кусок хлеба, "блага" X тома покажутся глубоко отрицательными, понятие summum jus – summa injuria еще глубже воцарится в их среде»[51].

Не большее мягкосердечие обнаруживало в отношении охваченного «жаждой обратить русского в немца» Столыпина и «Русское знамя». Правительство бичевалось на его страницах за преступные намерения «прекратить русское обычное право, коим живет 90-миллионное крестьянство, и насильно навязать ему понятия западные,

[50] *Сазонов Г.* Столыпин и национализм // Голос земли. 1912. № 13. С. 1–2.

[51] <*Флотский*> Несколько слов о реформе местного суда // Московский голос. 1907. № 9. С. 8–9.

изложенные в законах гражданских (том десятый), несмотря на то, что даже высшие сословия называют эти положения неприменимыми в жизни и устаревшими»[52].

В свой черед, «Вече» указывало: «Сейчас крестьянин судится волостным судом не по писаным законам, а по своим обычаям. Хороши ли эти обычаи или плохи, но они его собственные, выработанные долгими веками. Чем же хотят заменить народный обычай? Судом по десятому тому Свода Законов, в основу которого легло законодательство древних римлян, живших и отживших свое еще до образования русского государства. Ну что может быть общего между православными воззрениями русского крестьянина и этого исчезнувшего народа? Ровно ничего»[53].

В прекращении деятельности волостных судов и замене их для крестьянства судами общими консерваторам чудилось роковое расставание с национальным правом, обобщенным в обычаях, вытравливание его из коллективного сознания нации и потайная замена на чужеродные правовые модели. Давала знать о себе, конечно, и имманентно присутствующая в консервативной картине мира теория заговора (напомним, что консервативное сознание как тип появляется лишь тогда, когда над традиционными укладом и ценностями нависает явственно видимая опасность). Вот очень характерная декларация такого рода: «Инородцы собрались перекроить наше Отечество. Особенно же неприятны для них русские обычаи. В них сказывается правда народная, историческая национальная воля, а потому инородцы стараются выжить из обихода русское обычное право. Интеллигентные слои населения уже давно живут по западной указке – здесь инородцы добились успеха, заставив русских людей ломать обычаи по римскому праву, каким бы бессмысленным оно в русской жизни не представлялось»[54].

Дискуссия о волостных судах растянулась не на один год, и на протяжении всего этого времени на страницах консервативной прессы не смолкали голоса антагонистов идеи приобщения крестьянина как субъекта гражданского права к стандартам римско-правового происхождения. Обосновывая это нежелание, «Русская земля» – предшественница «Земщины» (органа фракции правых Государственной Думы) – писала: «Крестьяне говорят: "Суд – дело Божие. Надо правду знать, а не законы. Что толку, что такой-то законы знает, когда мы их не знаем. Нам надо в судьи человека богобоязненного"...» Далее газета приводила примеры решений волостных судов, «незаконных, но вполне мудрых». Так, например, «в кляузных уголовных и гражданских делах волостные суды зачастую карают и обвиняемых, и обвинителей, и истцов, и ответчиков. Обыкновенно над такими наказаниями на уездных съездах (апелляционная инстанция. – *А. К.*) смеются и отменяют их, но, в сущности, здесь смеяться нечему, а надо плакать, что наши законы списаны с каких-то римских прав и кодексов Наполеона, а не взяты из русской жизни». В итоге предлагалось суды волостные не только сохранить, но по возможности расширить их юрисдикцию и сделать их источником формирования русского национального права, которым следовало бы заменить чужеземные (римско-правовые) заимствования. «Надо дозволить крестьянам выбирать в судьи, кого они пожелают из русских православных людей. А вы, гг. интеллигенты, если вас выберут, идите, садитесь рядом с крестьянами за судейский стол, аккуратнее записывайте их правоотношения и тогда, может быть, вы вместо римского права создадите "Русскую Правду"...»[55]

Уже упоминавшийся раньше Иван Кашкаров рассматривал вопрос под несколько иным углом, настаивал на том, что особенность волостного суда прежде всего в синкретичности области его предметной компетенции, во многом находящейся на пересечении сфер морали и права. С учетом этого важны не только и не столько римско-правовые знания, сколько тождество морально-нравственных представлений судьи морально-

[52] Столыпин и граф Витте // Русское знамя. 1910. № 76. С. 1.
[53] *Николаевский Н.* Задачи III Государственной Думы. Судебная реформа // Вече. 1907. № 85. С. 1.
[54] Обычай // Русское знамя. 1910. № 86. С. 3.
[55] *Пегелау М.* К реформе местного суда // Русская земля. 1908. № 808. С. 2.

нравственным представлениям судящихся. Поэтому-то «богобоязненный судья из крестьян, знающий твердо десять заповедей Господних, стоит неизмеримо выше ученого юриста, лишенного религиозной добродетели и не боящегося Бога»[56].

Когда стало понятно, что правительство сменило прием лобовой атаки на крестьянское правовое устройство на тактику постепенного распространения на крестьянство общих гражданско-правовых норм, огонь критики консервативных изданий перекинулся на соответствующие законопроекты, подготавливаемые земским отделом МВД. Например, по поводу законопроекта о крестьянском наследовании развернуто высказался эксперт «Русского знамени» по правовым вопросам Н. Кривский.

«Как под видом развития у крестьян уважения к чужой собственности перековеркали все крестьянские отношения к земле, круто насильственно нарушив общинную собственность, так и под видом устранения шероховатостей в порядке наследования личной собственности хотят перековеркать и переломать весь крестьянский обычный уклад наследования» – так начинает свое выступление Н. Кривский[57]. Новый порядок наследования, скроенный по римско-правовой мерке, гибелен для дружественных и доверительных отношений внутри таких коллективов, как «семья, община, землячество». Предоставление крестьянину-собственнику права единоличного распоряжения землей «сводит на нет право veto на отчуждение земли, имеющееся у каждого члена семьи». Таким образом, предлагаемое завещательное начало разрушает те коллективы, которыми только и была сильна Россия, и как целостные социальные ячейки, и как субъекты права.

Н. Кривский не останавливается особенно долго на доводе, которым часто оперировали сторонники столыпинских реформ, – изменения в правовом статусе крестьянского движимого и недвижимого имущества должны, дескать, благодетельно отозваться на народных представлениях о неприкосновенности собственности. Эти предположения откидываются вопросом: «Когда принцип уважения к собственности в большей мере прививается – когда собственником является несколько человек, отстаивающих свое добро, или один?»[58]

Далее Кривский обосновывает недискриминационный характер различного личноправового статуса для различных категорий населения России. «В настоящее время порядок наследования определяется волостным судом по отношению к надельным землям, причем суды руководствуются местными обычаями. Что же касается земель, приобретенных по купчим крепостям, то право наследования определяется в общих судах. Такое различие вполне благоразумно, так как крестьянство, его надельное землевладение, составляют государственную основу России, дают ей высшие классы, защитников, кормильцев и средства к содержанию государства. Правящие же и промышленные классы подчинены общим законам. Если крестьянин наживает такие деньги, на которые можно купить землю в собственность, то этим самым он именно в этой части выходит из своей особой области и переходит в другую область, потому и подлежит другим законам»[59]. Таким образом, известной дифференциации гражданской правоспособности крестьянина требуют высшие государственные соображения и то лишь постольку, поскольку он непосредственно крестьянствует. Немало едкостей сказано в связи с этим в адрес доктринерски мыслящей бюрократии, «задумавшей уничтожить не укладывающиеся в гладкие статьи закона, а потому ненавистные ей обычаи» и ради этого пытающейся утвердить единый объем правоспособности для всех индивидов, вне всякой зависимости от рода их занятий (по крайней мере применительно к области имущественных отношений). «Питерские чиновники никак не могут переварить в голове своей неравенство людей вооб-

[56] *Кашкаров И.* Нужен ли выборный крестьянский суд? // Русское знамя. 1909. № 11. С. 2.
[57] *Кривский Н.* Устроители Отечества (о крестьянском наследовании) // Русское знамя. 1913. № 200. С. 2.
[58] Там же.
[59] Там же. С. 2–3.

ще. С наукой ихней не согласуется, чтобы для одного класса людей были одни законы, а для другого – другие. Поэтому засела у них idée fixe: во чтобы то ни стало распространить на мужичье сословие десятый том российских законов – законы гражданские, – дабы непременно и мужика называть гражданином. Между тем уже самое слово указывает различие: "гражданин" это житель города, горожанин; мужик – сельский обыватель. Миры у них разные, обычаи тоже, а потому законы у каждого должны быть различные»[60].

Затем автор разоблачает полное непонимание понятия «правовой обычай», обнаруживаемое творцами законопроекта, ссылавшимися, помимо прочих аргументов, на «устарелость, неустойчивость и расшатанность» обычая. «Если бы обычай был устойчив и обладал определенностью, он не назывался бы обычаем, но имел бы всю неизменность закона. Тогда оставалось бы только изложить на бумаге требования обычаев и издать их законодательным порядком. Тотчас слышим возражение: в каждой местности отдельные обычаи, что же всех их закреплять законодательным порядком. Да, именно так – все обычаи, имеющие устойчивость и определенность, надлежит ввести в гражданские законы. А суд по закону только тем и разнится от суда по обычаю, что первый основывается на устойчивых требованиях жизни, а второй на соответствии с обстоятельствами данного момента»[61]. И как это, вопрошает Н. Кривский, могут «расшататься обычаи»? «Обычаем называется тот или иной порядок при наступлении известного условия. Изменяются условия, изменяются и обычаи. Это называется эволюцией обычного права, но никак не "расшатанием". Если же волостные суды не приводят обычаев в своих решениях, то просто потому, что случаев, в точности подобных разбираемому, еще не было, а по здравому смыслу надлежит поступать вот так-то. Следующее аналогичное дело будет разбираться по выработанному шаблону, который и называется "обычаем". Юристам, любящим мертвую букву закона, разбираться в здравом смысле трудно, и они находят обычаи для себя лесом дремучим. Но сама жизнь есть лес, да еще какой дремучий! Но из этого затруднения ученых теоретиков вовсе не следует необходимость лишать людей права руководствоваться в спорах здравым смыслом. Обычаи в каждой местности разные, смотря по качеству земли, климату, условиям жизни и труда, религии, национальной особенности – все это обременяет чиновников и потому этот "глупый" да еще "несуществующий" обычай должен быть уничтожен, заменен писаным законом. Здравым смыслом чиновникам руководствоваться трудно, поэтому все необходимо написать на бумаге, чтобы побольше было мертвой буквы. Если и вынесут несообразное решение, то всегда можно сослаться, что так в законе написано»[62].

Юридический аспект столыпинских преобразований Н. Кривский видит именно в навязывании русскому народу, по преимуществу населяющему сельскую местность, положений римского частного права (именуя их «теорией гражданского права»). Но, предупреждает Кривский, «нельзя исходить из предвзятых начал, нельзя взять теорию гражданского права, далеко не совершенную, и пристегнуть к ней жизнь». Далее мы встречаемся с известной еще по сочинениям славянофилов антитезой «живой жизни» и «мертвого закона», которую – хотя бы отчасти – можно все же преодолеть широким применением обычая. «Жизнь человеческая не входит ни в какие рамки и потому образцовым судом будет лишь такой, который руководствуется жизнью, а не теоретическими построениями. Жизнь человеческая настолько сложна, что даже закон не может

---

[60] *Кривский Н.* Устроители Отечества (о крестьянском наследовании). С. 3. Попутно Н. Кривский делает выпад против используемой в законопроекте терминологии, предосудительной с политической точки зрения. «Министерство внутренних дел утверждает, что "крестьянское правосознание постепенно приближается к правосознанию прочих классов населения". Самое слово "правосознание" пахнет дурно: оно, видимо, заимствовано от "сознательного" пролетариата. Что хотят обозначить этим социал-демократическим термином петербургские бюрократы: политическое правосознание насчет конституции или что-то другое»?

[61] *Кривский Н.* Устроители Отечества (о крестьянском наследовании). С. 3.

[62] Там же. С. 3–4.

считать себя определенным во всех случаях, а потому даже общим судам разрешается применение обычаев, мировым же судьям это вменяется даже в обязанность. Волостной суд для крестьян, не могущих совершенно понять господских обычаев, является своим, близким. Общий же суд, не понимающий крестьянских жизненных требований, далек от них»[63].

Оттого, подводит черту под своими рассуждениями Н. Кривский, если даже и встречаются в решениях волостных судов по обычному праву противоречия, то «виной этому – приспособление к новым условиям», поэтому «надо улучшить состав волостных судов, но предоставить одновременно и широкое пользование сложившимися обычаями»[64].

IV

Было бы ошибкой при исследовании восприятия русскими консерваторами римского права пройти мимо такого фактора, каким являлся *национализм*, входивший неотъемлемым элементом в идеологическое кредо большинства ответвлений отечественного консерватизма.

Национализм у консерваторов проявлялся в двух плоскостях: культурной и политической. Проявляясь в плоскости культуры, национализм заставлял с опаской подходить к перениманию Россией – если та хоть сколько-нибудь дорожит своей самобытностью – каких бы то ни было зарубежных, и прежде всего западных, идей, институтов, даже языковых выражений. Исключение составляли разве что технические достижения. Выражая себя в области непосредственно права, культурный национализм исходил из двух посылок.

Во-первых, Россия в силу своих уникальных географических и климатических условий, а также всего пройденного пути исторического развития обладает неповторимыми (что для большинства националистов означало одновременно – «непревзойденными») государственностью и культурой. Эти обстоятельства, в свою очередь, предопределили своеобразие национальной психологии, сказывающееся и в сфере хозяйствования, и в сфере межличностных отношений. Отсюда с железной необходимостью вытекает потребность в оригинальной правовой системе, полностью приспособленной к российским политическим, этнопсихологическим и даже – к геоклиматическим особенностям.

Снисходительность проявлялась лишь применительно к заимствованиям из византийского права, хотя наиболее рьяным националистам претили и они. Уже от идеолога славянофильства И. В. Киреевского можно слышать сетования на то, что в XVI в. «частные юридические постановления Византии не только изучались, но и уважались наравне с постановлениями общецерковными, и выражалось требование применять их к России, как бы они имели всеобщую обязательность». Вследствие этого – «уважение к преданию, которым стояла Россия, перешло в уважение более наружных форм его, чем его оживляющего духа»[65].

И в пореформенную пору часть консерваторов-националистов не могла примириться даже с таким, вроде бы, бесспорным каналом рецепции отечественной правовой традицией римско-правовых норм, каким было влияние византийского права на развитие канонического права Русской православной церкви. И если И. В. Киреевский, как мы видели, все же признавал факт подобного влияния, хотя и отрицательно оценивал его, то далее встречаются попытки доказать автономность русского церковного права от права Византийской империи. Так, «Московские ведомости» горячо приветствовали выход в свет труда Николая Заозерского «Право православной греко-восточной церкви как предмет специальной юридической науки» ввиду того, что автор монографии, настаивая

---

[63] *Кривский Н.* Устроители Отечества (о крестьянском наследовании). С. 4.

[64] Там же.

[65] *Киреевский И. В.* О характере просвещения Европы // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 278.

на «самобытности права русской православной церкви», показывает, что оно не было «механической копией права византийского»[66].

Другие авторы, не возражая относительно того, что «Кормчая книга» («Номоканон») является тем «сборником церковных правил и памятником государственного законодательства о церкви», который «перешел в славянские земли из греческой церкви», старались тем не менее убедить в едва ли не полном видоизменении этих правил на русской почве. В этом контексте благосклонно оценивалась даже та активная нормотворческая позиция, которая была занята Св. Синодом с самого момента его учреждения. Благодаря такой деятельности Св. Синода «наше "кормчее" законодательство быстро развивается и приходит в согласование с гражданскими законами, с новыми условиями и обстоятельствами времени. Но высокое достоинство русской "Кормчей книги" в том и состоит, что она прогрессирует по самобытному пути развития национальных принципов и православия, а не обращается к позаимствованиям иностранных церковных законодательств (как это практиковалось при составлении Судебных Уставов 1864 г.)» – таково мнение газеты «Свет», считающей себя вышедшей из славянофильской школы[67]. Здесь будет уместным напомнить, что обычно консерваторы-националисты славянофильского толка усматривали в соответствующих мерах, предпринимаемых Св. Синодом, противоканоническое администрирование и насилие государства над церковью.

Но с еще большим предубеждением относились консерваторы к идеям о возможных западных каналах рецепции русским церковным правом норм римского происхождения. Тогда в отношении восточно-византийских заимствований гнев менялся на милость. Так произошло в ходе дискуссии между крупными русскими канонистами, проф. А. С. Павловым и проф. Н. Н. Суворовым. Поскольку эти дебаты помимо чисто академического значения имели явно выраженный идеологический подтекст, постольку они с самого своего начала очутились в поле пристального внимания «Московских ведомостей». Причем комментатором, подробно освещавшим перипетии разыгравшейся полемики на страницах «Московских ведомостей», было лицо, вполне компетентное в обсуждаемой проблематике, – по всей вероятности, видный специалист в области брачно-семейного права М. Красножен (скрывшийся в данном случае под псевдонимом «М. К.» и «М. К-ъ.»)[68].

Стартом для этого растянувшегося почти на пятилетие диспута послужило появление труда проф. Н. Н. Суворова, где утверждалось, что «наряду со славянским, варяжским и византийским элементами в древнем русском правообразовании известная роль принадлежала западно-католическому церковному праву»[69]. Обосновывая заявленную гипотезу, Суворов проводит разбор «Закона судного людем» – 46-й главы Кормчей книги, – трактуемого им в качестве болгарской переделки византийской Эклоги в целях «приспособления византийского уголовного законодательства к юридическому быту принимавшего христианство варварского народа»[70]. При этом автор обнаруживал в анализируемом памятнике «намеренное и сознательное противоположение законов церковного и гражданского». Эта черта, будучи чуждой византийскому праву, сближает «Закон» с «одновременным ему или близким по времени его составления западным церковным правом», где противополагались, с одной стороны, lex ecclesiactica, lex divina, lex canonica, а с другой – lex vulgaris, lex humana, lex mundana. Вдобавок, по мнению Н. Н. Суворова, «Закон» роднит с каноническим правом католической церкви и по-

---

[66] См.: *Заозерский Н.* Право православной греко-восточной церкви как предмет специальной юридической науки. М., 1888; Библиография // Московские ведомости. 1888. № 309. С. 6.

[67] <*Ив. Б-н.*> Беглые заметки // Свет. 1900. № 112. С. 1.

[68] См.: <*М. К.*> Ex oriente lux // Московские ведомости. 1892. № 165. С. 3; <*М. К-ъ.*> Было ли западное влияние на древнерусское право? // Московские ведомости. 1893. № 127. С. 4–5.

[69] *Суворов Н. Н.* Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888. С. 1–2.

[70] Там же. С. 4, 5.

строение санкций. Поскольку для католического церковного права «обычным явлением было совместное применение светского и церковного наказания», постольку «все статьи "Закона судного", в которых наряду с уголовным наказанием налагается церковное покаяние, образовывались под влиянием не восточного, а западного церковного права»[71]. Помимо прочего, «то более, то менее заметные следы влияния западно-католического церковного права» Н. Н. Суворов отыскивает также в так называемой обширной редакции «Закона судного людем», в Покаянном уставе (так называемая «Заповедь святых отец»), в церковных Уставах князей Владимира и Ярослава. Итак, заключает Н. Н. Суворов, еще «задолго до того момента, когда в Московском государстве почувствовалась неотложная потребность прорубить окно в Европу, двери на Русь держались довольно широко открытыми для западноевропейского влияния»[72].

Такой вывод, естественно, не мог доставить особой радости приверженцам идеи самобытности русского канонического права, в том числе и тем из них, кто хотя и признавал воздействие византийского права, но в дальнейших своих суждениях опирался на идею духовного преемства, существующего между Вторым и Третьим Римом. Однако потребовалось несколько лет, прежде чем от их лица с пространной критикой «новооткрытого четвертого элемента древнейшего русского правообразования» выступил проф. А. С. Павлов. В выводах Н. Н. Суворова, пишет он, «одно – проблематично, другое – произвольно и натянуто, третье – прямо ошибочно»[73]. Для нас же важнее всего не столько фактические неточности, вскрытые у Н. Н. Суворова его оппонентом, сколько высказанные при этом А. С. Павловым методологические замечания, наиболее выпукло обозначающие идеологическую подоплеку разногласий. Н. Н. Суворов, по словам А. С. Павлова, желает, чтобы «русские ученые силы отказались от привычки во чтобы то ни стало подыскивать образцы разным явлениям древнерусской юридической жизни в византийских памятниках и признали бы, что образцы эти могут находиться не только на Востоке, но и на Западе». В корне несогласный с установкой такого рода А. С. Павлов призывает следовать презумпции противоположного свойства: «Когда для того или иного института древнерусского права (и, в особенности, права церковного) оказываются образцы и на Востоке, и на Западе, историк русского права, имея в виду, что Древняя Русь была связана с греко-славянским миром двойными узами – и религиозными, и племенными, – нисколько не погрешит против требований исторической критики, если припишет происхождение этого института влиянию не Востока, а Запада»[74].

Присоединяясь к А. С. Павлову, «Московские ведомости» квалифицируют, как и он, изыскания Н. Н. Суворова в качестве «сделанной с видом серьезной учености попытки поставить Древнюю Русь под преобладающее влияние католического Запада, а не православного Востока». Причем попытки преднамеренной, которую нельзя извинить простым научным заблуждением, уже потому, что «на самом Западе созревает сознание необходимости ближайшего изучения Византии как одного из могущественных факторов в истории средневековой западной культуры»[75]. Передовой орган консервативной периодики настолько втянулся в полемику по сюжету, казалось бы, столь далекому от злободневной проблематики, что когда Н. Н. Суворов обнародовал свой ответ А. С. Павлову, то с встречными возражениями выступил не непосредственный адресат, а «Московские ведомости»[76]. «Большая часть доказательств, приводимых в пользу существования западно-католического права в памятниках древнего русского права, является не чем

---

[71] *Суворов Н. Н.* Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права. С. 9–90.

[72] Там же. С. 214.

[73] *Павлов А. С.* Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках юго-славянского и русского церковного права. М., 1892. С. 160.

[74] Там же. С. 161.

[75] <*М. К.*> Ex oriente lux. С. 3.

[76] См.: *Суворов Н. Н.* К вопросу о западном влиянии на древнерусское право. Ярославль, 1893.

иным, как гипотезами, иногда даже ни на чем не основанными. Трудно столь слабым орудием пошатнуть православную теорию "света с Востока"...», – наставляла газета профессора Суворова[77].

С другой стороны, точка зрения культурного национализма сводилась к тому, что России незачем прибегать к юридической регламентации по рецептам западной юриспруденции, ибо она имела свое, самобытное законодательство и имеет самобытное обычное право. На принципы, которые содержат они, и следует опираться при разработке новых законов, а никак не на иноземные шаблоны. В том числе нечего оглядываться и на римско-правовую традицию. Такими умонастроениями были охвачены и те консерваторы, которых вообще трудно отнести к оголтелым националистам. Напомним, сколь высоко близкий к славянофильству историк русского права Н. В. Калачев ставил «мужественное ратование Карамзина за русское право при Александре I, когда Сперанский бесцеремонно пересаживал на русскую почву кодекс Наполеона» (нормы которого имели во многом римско-правовой генезис). Для старого народа, учил Карамзин, не надобно новых законов. Оттого России нужен «свод наших русских указов и постановлений, ибо тогда откроются пробелы, требующие пополнения, и откроются русские правовые начала», ведь «русское право также имеет свои начала, как и римское; определите их – и вы дадите нам систему законов»[78].

Он предостерегал от «неудержимого стремления к подражанию западным образцам и в литературе (т. е. в доктрине. – *А. К.*), и в законодательстве». В области цивилистики такого рода ксенофобия (лишь обращенная не на людей, а на мир юридических идей) претерпела оживление в конце XIX в., когда настоятельно встал вопрос о создании русского Гражданского Уложения. Консерваторов пугало, что задача такого масштаба «выпадает на долю такого поколения юристов, которое имеет за собой не более сорока лет деятельности национальной юриспруденции». А. А. Башмаков, сопоставляя плачевную ситуацию в отечественной юридической науке с «положением вещей, какое существует в Германии, во Франции и в других больших государствах Европы, где предпринимаются подобные работы», заключает: «нельзя не признать крайне неблагоприятных условий для нашего Отечества»[79].

Культурный национализм накладывал свой отпечаток и на восприятие разделяющими его консерваторами римского права как отрасли юридического знания. С методологической точки зрения тот или иной научный труд ими ценился тем выше, чем более автор «избегал суждений о конкретном праве с точки зрения отвлеченных принципов римского права»[80]. В области собственно романистических исследований консерваторы, являвшиеся выразителями идей культурного национализма, с особенной придирчивостью подходили к стилистике, в которой выполнена та или иная монография. К примеру, «Московские ведомости» подвергли разносу работу А. С. Кривцова «Абстрактные и материальные обязательства в римском и современном гражданском праве», найдя, что «целые страницы написаны автором на немецком без перевода», что «обширные цитаты римских юристов нигде на русский язык не переведены» и что, наконец, «непонятен и русский язык автора, те каббалистические изречения, которыми изобилует текст»[81].

Как уже показывалось выше, консерваторы, приверженные постулатам культурного национализма, сетовали на несамостоятельность отечественной юридической науки. «Громадный умственный труд предшественников современных западных юристов создал такое накопление классических трудов и образцов, которое действует на нас обаятельно и тем более вынуждает к подражательности нашу далеко не окрепшую отечест-

---

[77] <*М. К-ъ.*> Было ли западное влияние на древнерусское право? С. 4–5.

[78] См.: Московские университетские известия. М., 1866. № 3. С. 220–221.

[79] *Башмаков А. А.* Институт родовых имуществ перед судом русской юриспруденции.

[80] Ср., например, рецензию на труд барона Торнау «Основы мусульманского права» в «Русском вестнике» (1892, Август. С. 268–269).

[81] <*Х.*> Труд ученого юриста // Московские ведомости. 1899. № 50. С. 4.

венную юриспруденцию. Такой путь представляет значительную опасность»[82]. Поэтому поборники культурного национализма, там, где к тому представлялся повод, был готовы отстаивать русские приоритеты, в том числе и в области романистики (как ни парадоксально это может выглядеть в свете испытываемого ими же скептицизма относительно пользы, которую могут принести романистические штудии).

В этом плане показательна реакция «Московских ведомостей» на статью «Нового времени», повествующую о судьбе идей о праве добросовестного владельца на плоды, а также о сепарации как способе приобретения права собственности, впервые высказанных русским ученым-романистом Н. А. Кремлевым[83]. В свое время (конец 1860-х гг.) они не получили должного отклика и были, по существу, преданы забвению. Между тем в 1887 г. в Германии вышла работа профессора Пражского университета Чиларжа, который, по мнению С. Никонова, автора статьи в «Новом времени», пришел к тем же выводам, что и Н. А. Кремлев, причем «защита тезисов была у него слабее». Но, в отличие от Н. А. Кремлева, чьи труды русское ученое сообщество игнорировало, к Чиларжу «отовсюду полетели поздравления, а известнейшие цивилисты Германии писали на это сочинение в юридических журналах не критику, а скорее хвалебные акафисты». Изучавший в Берлинском университете римское право С. Никонов, желая восстановить справедливость, способствовал публикации в Берлине реферата из сочинений Н. А. Кремлева. По выходе этого реферата в свет С. Никонов «получил много лестных писем от немецких профессоров-юристов (L. Eisele, Regelsberger, Unbelohde, Oertmann), а сам Чиларж, признавая полную тождественность результатов своих изысканий с выводами Кремлева, с грустью высказал сожаление о своем запоздалом знакомстве с ними»[84]. «Московские ведомости», считая, подобно автору статьи, этот случай вопиющим, расходятся с «Новым временем» в оценке причин произошедшего. Если последние предлагают видеть здесь «печальное, но неизбежное последствие того различия в положении науки и ученых, какое замечается у нас и на Западе», то «Московские ведомости» корят «состояние умов, которых вечное холопство перед "Европой" отучило понимать мысль, если она не переводная с иностранного». В результате новаторские труды русского автора были попросту забыты, предварительно «подвергшись бессмысленной критике»[85].

Бывало, имели место и парадоксы иного сорта. Автор, воодушевляемый соображениями культурного национализма, в конечном счете начинал говорить комплименты по адресу непреходящих заслуг римского права. Так, журнал «Наблюдатель» не раз высказывался против засилья переводной (прежде всего немецкой) литературы в русских школах и библиотеках самообразования, доказывая непригодность использования большей части ее в просветительных целях либо ввиду неприспособленности этих изданий к особенностям русской аудитории, либо попросту ввиду низкого качества подачи материала. Выход в свет переведенной с немецкого «Истории культуры» Р. Гюнтера предоставил «Наблюдателю», чей национализм имел устойчивую тевтонофобскую ориентацию, благоприятную возможность нанести удар. Дело в том, что Р. Гюнтер имел неосторожность утверждать, что «Рим не сделался насадителем культуры среди других народов, насколько это касается их творчества»[86]. В глазах рецензента «Наблюдателя» о потрясающем «невежестве автора» говорит уже один этот пример. «Неужели же автор не знает, что остатки римской культуры среди других народов даже теперь, на пороге XX века, еще сильны и могущественны? Есть и такие, что вошли краеугольным камнем в основы современной европейской цивилизации и от которых Европа до сих пор только пытается освободиться. Это – римское граждан-

---

[82] *Башмаков А. А.* Институт родовых имуществ перед судом русской юриспруденции.

[83] *Кремлев Н. А.* К учению о праве добросовестного владельца на плоды. Казань, 1866; *Он же.* Сепарация как способ приобретения права собственности. Казань. 1868.

[84] *Никонов С.* Судьба русских изобретений // Новое время. 1894. Июнь. № 6567.

[85] Московские ведомости. 1894. № 162. С. 4. См. также критику трудов Н. А. Кремлева: Журнал Министерства юстиции. 1866. № 12. Т. XXX. Ч. 2. Ст. IV. С. 650–652.

[86] *Гюнтер Р.* История культуры / Пер. с нем. СПб., 1901. С. 200.

ское право, на началах которого не только развивалось, но и продолжает развиваться гражданское право всех европейских народов»[87]. Итак, в лице незадачливого Р. Гюнтера «Наблюдатель» не только высек претендующих на всеведение и вместе тем «забывающих» о римском праве немецких ученых, но и, напомнив немцам, кому они обязаны своей юриспруденцией, прошелся по подогреваемому в условиях «второго рейха» германскому чванству с его заявками на безусловное культурное лидерство по отношению к иным народам Европы и мира.

Со своей стороны, П. Ф. Булацель, крупный консервативный публицист и известный адвокат, с юмором вспоминает о неумеренной кичливости немцев, пусть даже состоящих на службе в российском Министерстве народного просвещения, заслугами своих соотечественников на ниве романистики. «В дни моей ранней юности профессор Петербургского университета Дорн утверждал, что никто из римлян никогда не мог так уяснить себе дух римского права, как это удалось сделать гениальному юристу, профессору Геттингенского университета Рудольфу Иерингу». Впрочем, воспоминание студенческой поры подвинуло П. Ф. Булацеля не столько к шутливым, сколько к меланхолическим соображениям: «Ни германский, ни романские народы не боятся громко признавать свои заслуги перед человечеством. Увы, Европа всегда была склонна к самовосхвалению, а мы, русские, всегда скромно умалчиваем о русских заслугах»[88].

Если культурный национализм, как было показано, держал оборону от заграничных заимствований, то политический национализм, наоборот, был наступателен. Политический национализм был нацелен на «обрусение» (как именовали выдвигаемый ими курс сами консерваторы) или «русификацию» (такое именование обычно используется в литературе). Обрусение означало не только максимальное приобщение окраин Империи к русской культуре, но и почти что полное нивелирование их отличий, где бы эти отличия ни давали о себе знать – в управлении ли, в образовании ли или даже в вероисповедании.

В области правовых отношений политический национализм стремился унифицировать законодательство окраин, уничтожив при этом (там, где они еще сохранялись) правовые нормы и институты, уцелевшие еще с тех времен, когда данная провинция не входила в состав Российского государства. «В отечестве нашем кроме Свода Законов, вмещающего гражданские законы коренной России и законы Черниговской и Полтавской губерний (для которых сохранили в силе некоторые постановления Литовского статута), существуют еще четыре местных кодекса: польский, остзейский, бессарабский, финляндский. Против проведения их общей кодификации выставляют возражение, что не полезна ломка законов, укрепленных веками, присущих духу нации и давно сложившимся условиям жизни. Но дело в том, что такого законодательства не имеет ни одна наша окраина. В Царстве Польском действует измененный кодекс французский, в Финляндии – шведский, в Остзейском крае законодательство построено на началах римского права, в Бессарабии – византийские источники права. Следовательно, дух нации не запечатлен ни в одном из этих законодательств. Между тем, разнообразие законодательств мешает политическому объединению окраин с центром»[89]. В этих рассуждениях любопытно как то, что почти все туземные законодательства (за вычетом разве что финляндского), предлагаемые к замене на законодательство общеимперское, имеют римско-правовые корни, так и то, что в данном случае национализм заставлял консерваторов жертвовать другим компонентом их идеологии – традиционализмом.

Отсюда проистекали и выступления консерваторов против конкретных институтов, имеющих римско-правовое происхождение, которые к тому же служили имуществен-

[87] Новые книги // Наблюдатель. 1901. № 3. С. 20–22.
[88] *Булацель П. Ф.* Дневники // Российский гражданин. 1915. № 1. С. 10.
[89] *Загоровский А.* По поводу предстоящих кодификаций гражданских законов // Наблюдатель. 1883. № 2. С. 57–58.

ным интересам тех групп окраинного населения, которые консерваторами воспринимались в качестве оплота антирусских настроений. Это касалось, в частности, сервитутных институтов в Царстве Польском, которые предлагалось ликвидировать путем передачи права собственности на объект сервитута от собственника (обычно принадлежащего к польской шляхте) субъекту сервитута (зачастую украинскому или белорусскому крестьянину)[90]. По тем же причинам раздавались призывы упразднить в Остзейском крае право патроната, ставящее лютеранский приход в полную зависимость от немецких баронов[91].

Как правило, консерватор-националист совмещал в своих воззрениях национализм культурный с национализмом политическим. Однако случалось, что, являясь поборником национализма политического, тот или иной идеолог все же более или менее адекватно оценивал отечественные достижения в области позитивного права и юриспруденции, что, в конечном итоге, препятствовало его переходу и на позиции культурного национализма. Так, основатель Всероссийского Национального Союза и известный публицист М. О. Меньшиков сознавался: «Оглядываясь в глубь прошлого, видишь, что никогда не замечалось у нас сколько-нибудь оригинального законодательства. Своих Ликургов, Солонов, Хаммурапи мы не имели. Не было со времен Шемяки и сколько-нибудь сносного суда»[92]. Можно привести примеры, когда, напротив, консерватор, исповедующий культурный национализм, не разделял основных постулатов национализма политического. Так, идеолог славянофильского толка С. Ф. Шарапов высказывался в пользу сохранения в Польше и Финляндии традиционного им порядка правового регулирования, в значительной мере включавшего, как мы знаем, римско-правовые элементы.

Что же касается консерваторов, не замеченных в симпатиях ни к национализму культурному, ни к национализму политическому, то таковых было очень немного. В сущности, это «антинационалистическое» течение целиком представлено группировкой, трибуной которой была газета «Весть». На протяжении всех тех лет, пока она издавалась, «Весть» пребывала в состоянии непрекращающейся и весьма накаленной полемики с прочей консервативной печатью, и в первую очередь с цитаделью тогдашнего национализма – газетой славянофилов «Москва». «Весть» недоумевала, как могут славянофилы «выделять Россию из общей семьи образованного человечества», зачем они «силятся создать два мира: человеческий и русский, чуждые между собой даже и в космополитической области экономических законов». Гражданское право, согласно «Вести», должно отвечать потребностям хозяйственного развития, подчиняющегося повсюду одним и тем же объективным закономерностям. «Разве основные законы политической экономии не одни и те же для России и остального мира, разве труд и капитал не составляют элементов производительности одинаково как в России, так и во Франции, Англии и Китае? Разве бедность и богатство не везде обуславливаются одними и теми же признаками?»[93] Знаменательно, что, как это было показано выше, в своем понимании необходимого для пореформенной России правового режима земельной собственности «Весть» – хотя бы и будучи движима узкосословными интересами – полностью стояла на позициях разработанной в лоне пандектного права концепции частной собственности.

Подведем краткие итоги. Проведенный анализ показал, что, во-первых, объектом критики фактически выступало не столько классическое римское право, сколько римское право, *современное* консерваторам, – комплекс идей и институтов, выработанных преимущественно германской юриспруденцией на базе римского права (usus modernus pandectarum).

---

[90] <*Он.*> Сервитуты в Привислинском крае // Московские ведомости. 1891. № 99. С. 2.

[91] <*С. Д-в.*> Патронатство («jus patronatis»). К вопросу об остзейских привилегиях // Московские ведомости. 1891. № 36. С. 2; № 37. С. 2.

[92] *Меньшиков М.* Из дневника // Голос Руси. 1915. № 628. С. 2.

[93] <Редакционная статья, б/н.> // Весть. 1868. № 55. С. 1.

Во-вторых, ключевой «претензией» русских консерваторов к римскому частному праву было приобретение последним в условиях пореформенной России модернизационной нагрузки. Углубление рецепции ipso facto способствовало утверждению автономного от государства рынка, разрушению традиционной социальной структуры и тем самым – девальвации автократической модели властвования.

Вместе с тем, как было показано, протест консерваторов против римского права был не безусловен. За скобками тех значений, которые римское частное право приобрело в переломный для России период ее истории, они отдавали должное как юридико-техническому потенциалу римского частного права, так и месту, занимаемому им в сокровищнице достижений человеческой цивилизации.

A. S. KARTZOV

DIRITTO PANDETTISTICO ALLA LUCE DELL'IDEOLOGIA DEL CONSERVATORISMO RUSSO

(RIASSUNTO)

Lo scopo di questo articolo è quello di analizzare alcuni aspetti della percezione del diritto romano da parte del conservatorismo russo postriforma. Il conservatorismo fu una corrente politico-ideologica che lasciò una forte traccia nella storia russa del tardo Ottocento – inizio del Novecento. Poiché questo tema è stato oggetto di studio di un articolo già pubblicato in *Ius Antiquum* (v.: KARTZOV A. S. Il diritto romano nello specchio dell'ideologia del conservatorismo russo // *Ius Antiquum*. 2001. n. 8), in questo contributo verranno trattati i problemi che nell'articolo precedente sono stati analizzati sinteticamente nonché quelli che non sono stati oggetto di studio.

Partendo dal presupposto che il diritto romano ha una importanza fondamentale nella civiltà occidentale, i conservatori russi riservarono sempre molta attenzione alla sua recezione in Russia. Generalmente l'atteggiamento dei conservatori russi verso il diritto romano privato non era favorevole. Non mancavano, però, dei giudizi positivi espressi da alcuni conservatori. Nelle opere dei conservatori non sono rari i riferimenti alla pratica delle istituzioni romane o alle regole create dalla giurisprudenza romana. Ne riconoscevano la perfezione tecnica. Dall'altra parte i conservatori consigliavano cautela nel procedere ad un processo di ampliamento delle norme già accolte dal diritto russo a un ambito sempre piú vasto di beni, temendo lo sviluppo del capitalismo in campagna e la rovina della comunità contadina e della proprietà fondiaria della nobiltà – basi dell'autocrazia. Bersaglio delle critiche dei conservatori non era tanto il diritto romano classico quanto quello moderno, *contemporaneo* ai conservatori – un insieme di idee ed istituzioni elaborate prevalentemente dalla giurisprudenza tedesca sulla base del diritto romano (*usus modernus pandectarum*). La principale «critica» che i conservatori russi muovevano contro il diritto romano privato era rappresentata da quella carica modernizzatrice che esso aveva assunto nella Russia postriforma. L'approfondimento della recezione *ipso facto* contribuiva all'affermazione di un mercato indipendente dallo stato, alla distruzione della tradizionale struttura sociale e con ciò alla svalutazione del modello autocratico del potere. Ma l'atteggiamento critico dei conservatori nei confronti del diritto romano non era incondizionato. Al di fuori del significato da esso assunto nel periodo cruciale della storia russa, i conservatori riconoscevano al diritto romano sia il suo potenziale tecnico-giuridico, sia il posto fondamentale che occupa nel patrimonio della civiltà umana.